



Ася Вернадская

**После развода. Другая женщина**

«Литнет»

2026

## **Вернадская А.**

После развода. Другая женщина / А. Вернадская — «Литнет», 2026

НОВИНКА «Изна. Я начинаю сначала» — Вон отсюда. Ты моя самая большая ошибка. Он вышвырнул меня на лестничную клетку в одной сорочке. Следом полетели мои вещи. Я до сих пор вижу это в страшных снах. Тогда меня звали Лиля. У меня были волосы до поясицы, мягкие бока, наивная улыбка. А под сердцем был ребёнок. Его, между прочим. Тридцать килограммов ушли за пять лет новой жизни. Голод, бесконечные тренировки и дикая злость — вот и вся диета. Теперь меня зовут Лидия, и я сделала всё, чтобы измениться до неузнаваемости. И как так вышло, что новым заказчиком в архитектурном бюро, где я работаю, стал мой бывший муж? Он разглядывает меня и никак не может вспомнить, где же мы встречались. Его вопрос застал меня врасплох: «У вас есть дети?» Я молчу. Потому что у правды его глаза.

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 7  |
| Глава 3                           | 9  |
| Глава 4                           | 11 |
| Визуал Лидии                      | 13 |
| Визуал Руслана                    | 19 |
| Глава 5                           | 27 |
| Глава 6 от лица Руслана           | 30 |
| Глава 7                           | 32 |
| Глава 8                           | 35 |
| Глава 9 от лица Руслана           | 38 |
| Глава 10                          | 41 |
| Глава 11                          | 44 |
| Глава 12                          | 46 |
| Глава 13                          | 48 |
| Глава 14                          | 50 |
| Глава 15                          | 52 |
| Глава 16                          | 55 |
| Глава 17                          | 57 |
| Глава 18 от лица Руслана          | 60 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 61 |

## Глава 1

— Вон отсюда.

Я слышу голос и не узнаю в нём своего любимого мужа. Потому что так со мной никто никогда не разговаривал. Даже в самые страшные ссоры, даже когда я разбила его ноутбук, даже когда я приревновала его к секретарше и устроила скандал на корпоративе, и мы орали друг на друга до трёх часов ночи — Руслан никогда так не говорил.

А сейчас смотрит на меня, на жену, с которой прожил три года, — и в его глазах такая гадливость, будто я не человек. Будто я кусок собачьего говна, прилипший к подошве его ботинка.

Я чувствую, как к горлу подступает тошнота. Не от страха даже. От того, как он на меня смотрит. Я для него — никто. Пустое место.

Я стою в дверях нашей спальни. Вокруг разбросаны мои вещи. Платья, которые он дарил мне на праздники. Туфли, в которых я танцевала с ним на нашей свадьбе. Книги, которые мы читали по вечерам, лёжа в обнимку на этой кровати.

Всё это свалено в кучу. Как мусор. Как я.

Он вышвыривает мои вещи со всех полок. Хватает нашу свадебную фотографию в рамке. Я замираю. Неужели её тоже разобьёт? Но он не бросает её. Смотрит на неё секунду. Потом ставит обратно на полку. И продолжает вышвыривать остальное.

— Руслан, я не понимаю, — голос дрожит. — Что случилось? Что я сделала?

— Что случилось? — он замирает у шкафа, из которого хаотично вышвыривал мои вещи, косметику, документы, и резко поворачивается ко мне. — Ты ещё спрашиваешь, Лиля?

Он хватается телефон со стола, тычет экраном мне в лицо.

— Смотри.

Я смотрю.

Фото. Я лежу на кровати. Глаза закрыты. Волосы разметались по подушке. Рядом на боку лежит мужчина. Я его помню. Тот, с кем меня познакомил Андрей вчера. «Мой хороший друг, Кирилл», — сказал тогда Андрей. Мужик с одутловатым лицом и мясистым носом. Он голый по пояс. И одной рукой держит меня за грудь.

У меня внутри всё обрывается. Я не могу вдохнуть.

Я не помню этот момент. Совсем не помню. И от этого страшно вдвойне. Потому что, что, если это правда?.. Нет. Не может быть. Я бы не могла. Я люблю Руслана. Я люблю только его.

— Это не то, что ты думаешь, — говорю я. — Я не...

— Не ври мне, — его голос режет, как нож.

— Я не вру! Я ничего не помню. Андрей пригласил меня на встречу. Сказал, хочет обсудить сюрприз для тебя на день рождения. Я выпила бокал вина, потом голова стала тяжёлой, комната поплыла... я пыталась встать, но ноги не слушались, а потом — темнота.

— Замолчи.

Он делает шаг в мою сторону. Я невольно отступаю к стене. Руслан хватается меня за подбородок. Пальцы сжимают сильно, больно. Я стараюсь не шевелиться. Мне кажется, что, если я хоть на сантиметр двину головой, он сломает мне челюсть.

— Ты легла в постель с другим мужиком. Ты предала меня.

В его глазах — боль. Я её вижу. Он не просто зол. Он разбит. И это хуже, чем если бы он просто ненавидел меня. Потому что я знаю: он любил меня. По-настоящему. И сейчас он думает, что я всё разрушила.

— Это подстроили, — говорю я, чувствуя, как слёзы душат горло. — Андрей меня опоил. Я ничего не пом...

— Замолчи.

— Я не спала с ним, Руслан. Клянусь. Андрей пригласил...

— Андрей здесь ни при чём.

— Он привёл меня туда! Он...

— Заткнись, я сказал!

Руслан делает шаг в мою сторону. Я не успеваю моргнуть. Он замахивается. Я закрываю глаза, вжимаю голову в плечи. Но удара нет. Только глухой звук — кулак врезается в стену в двух сантиметрах от моего виска.

Я открываю глаза. Он смотрит на меня, тяжело дышит. Кулак разбит в кровь. Но в глазах — всё та же ненависть.

— Ты мне противна!

— Руслан...

— Я сказал — вон.

Он тащит меня к двери. Я пытаюсь вырваться, он сжимает руку ещё сильнее, будто хочет сломать. Он намного сильнее. Я чувствую, как ногти впиваются в его пальцы, пытаюсь разжать их — бесполезно.

— Послушай меня, молю! — кричу я. — Разреши мне всё объяснить!

— Я всё видел, нечего мне пересказывать, как вы трахались.

Он открывает дверь квартиры. Выталкивает меня на лестничную клетку.

— Руслан, пожалуйста...

— Ты получишь документы на развод, — его голос теперь звучит глухо, через закрывающуюся дверь. — Не приближайся ко мне больше. Никогда.

Дверь захлопывается.

Я слышу, как щёлкает замок. Этот звук — как выстрел. Он убивает что-то во мне. Навсегда.

Стою в коридоре в одной сорочке. Босиком. На полу — мой чемодан, который он вышвырнул следом.

И тишина.

Только моё сердце колотится так, что вот-вот вырвется наружу через грудную клетку, и слёзы текут по щекам, и я не могу дышать, потому что мир, который я строила три года, рухнул за пять минут. Разбился вдребезги.

— Я не спала с ним, — шепчу я. — Я не предавала тебя. Никогда.

Руслан меня не слышит. Ему это не надо, он всё для себя решил.

Я смотрю на дверь. На эту чёртову дверь, за которой остались три года моей жизни. Три года, которые я считала счастьем.

Дура.

Теперь я знаю: счастье не может закончиться пинком под зад.

Я разворачиваюсь, поднимаю свой чемодан и иду к лифту. Не оглядываясь. Потому что эта дверь закрылась. Насовсем.

Нажимаю кнопку вызова. Лифт с гулким стоном останавливается. Двери разъезжаются, и меня окутывает запахом перегара и дешёвого табака. Кто-то курил прямо в кабине, не дождав-шись улицы. Меня передёргивает, но я захожу внутрь.

И перед самым моментом закрытия дверей я слышу его голос, эту последнюю фразу:

— Ты моя самая большая ошибка, Лиля.

Двери лифта закрываются. Я проваливаюсь. В темноту. В пустоту. В никуда.

И просыпаюсь.

## Глава 2

Пытаюсь вздохнуть. И не могу. Лёгкие будто сдавило. Шевелю губами, как рыба, которую выбросило на берег. Сердце барабанит, я чувствую, как оно стучит даже в висках — тук-тук-тук — снова этот кошмар, всё тот же ужас. Простыня перекрутилась вокруг ног, я дёргаюсь, пытаюсь освободиться, но только сильнее запутываюсь. Подушка мокрая от слёз, я зажимаю ею лицо, чтобы не закричать, потому что Мира спит в соседней комнате.

Сажусь на кровати, обхватываю колени руками и пытаюсь выровнять дыхание. Вдох. Выдох. Вдох.

— Твою мать, — шепчу я в темноту. — Опять.

Опять этот сон. Пять лет. Почти каждую ночь я просыпаюсь в холодном поту от его голоса, и каждый раз мне кажется, что прошло не пять лет, а пять минут. Сценарий не меняется, как в старом заезженном фильме, который прокручивают на повторе. Я всё ещё там — в прихожей, в одной сорочке, босиком.

«Вон отсюда».

Я закрываю глаза и тру лицо ладонями. Кожа горячая, влажная. Волосы прилипли к вискам.

Встаю и иду к окну. За ним — Ростов-на-Дону. Серый апрельский рассвет. Первые птицы начинают свои концерты за стеклом. Форточка открыта, и я чувствую запах мокрого асфальта после ночного дождя. Этот запах всегда успокаивает, возвращает в реальность.

Я смотрю на знакомый двор, на чахлые деревья у подъезда, на серые панельные девятиэтажки напротив.

Это не Москва.

Слава богу, не Москва. Её с меня хватило вполне.

Пять лет назад я проснулась бы в другом городе, в другой жизни, другим человеком.

Тогда меня звали Лиля. Лилия Волкова. Длинные русые волосы до пояса. Руслан любил распускать их по вечерам, перебирать пряди, зарываться в них лицом. Размер одежды — пятьдесят четвёртый. Мягкие щёки, пухлые губы, карие глаза — светло-карие, почти ореховые.

Я смотрю на свои руки, тонкие пальцы сейчас. Раньше они были пухлыми, мягкими. Он любил целовать каждый пальчик. Я была круглой, уютной, домашней. Идеальная жена бизнесмена, которая умеет только варить борщ, не лезет в его дела и мечтает лишь о ребёнке.

Я была глупой. Наивной. Слепой.

Сегодня меня зовут Лидия. Лидия Петровна Ветрова. У меня пепельные волосы, короткое каре и зелёные глаза — линзы, конечно. Сорок второй размер.

Тридцать килограммов ушли за пять лет новой жизни. Голод, тренировки и ненависть — вот мои спутники.

Я ненавидела не его.

Я ненавидела себя. Ту слабую, доверчивую Лилию, которая позволила себя уничтожить.

Смотрела на себя в зеркало каждый день и говорила: «Ты больше не будешь жертвой. Ты больше никогда не позволишь мужчине решать, жить тебе или умереть».

Я похудела, сменила имя, переехала в другой город и сделала всё, чтобы от прежней Лили не осталось ни следа. Ни одного воспоминания. Ни одного.

— Мам?

Я вздрагиваю всем телом и поворачиваю голову на звук.

В дверях стоит Мира. Моей дочери четыре года, и у неё серые глаза — его глаза. Такой же разрез, тот же упрямый подбородок, даже брови — его, вразлёт, чуть насмешливые. Но характер — мой: колючий, несгибаемый, упрямый.

— Ты опять кричала, — говорит она сонным голосом. Трёт кулачками глазки, переступает с ноги на ногу в своих розовых тапочках с зайцами.

— Прости, солнышко. Просто кошмар приснился.

— Страшно было?

— Да. Но уже прошло.

— А почему ты боишься?

Я не знаю, что ответить, поэтому просто глажу её по тонким светлым волосам.

— Просто сон, Мира. Иди ко мне.

Она забирается под одеяло, сворачивается клубочком и прижимается щекой к моему плечу. От неё пахнет сладким детским шампунем с ромашкой.

— Мам, а у меня есть папа? — спрашивает она вдруг.

У меня сердце чуть не остановилось. Мира смотрит на меня своими серыми глазами — его глазами, и меня накрывает горькой волной стыда.

— У тебя есть я, — говорю я. — Меня достаточно.

— Но у Сони есть папа, и он приходит за ней каждый день в садик.

— Твой папа... — я запинаюсь, потому что слова застревают в горле. Нельзя сказать правду, но и врать больше не хочется. — Он в другом городе.

— Он приедет?

— Я не знаю, солнышко. Может быть, когда-нибудь.

Мира вздыхает, замолкает и прижимается ближе. Через минуту я слышу, как её дыхание выравнивается, она засыпает.

А я лежу и смотрю в потолок. Возле люстры появилась трещина, надо замазать.

Пять лет я растила её одна. Без алиментов, без его помощи, даже без его отчества. Волков даже не знает, что она существует, и не узнает. Никогда.

Но ложь рано или поздно становится явью.

И сегодня у меня такое чувство, что этот «поздно» наступило.

## Глава 3

Через час я уже на кухне.

Кофе — чёрный, без сахара. Я пью его уже пять лет, потому что сладкое теперь под запретом. То есть нет, я могу себе позволить кусочек торта или бутерброд с вареньем — фигура позволяет. Но привычка контролировать всё, даже то, что попадает в рот, стала моей второй натурой.

Я накладываю Мире кашу в тарелку с медвежонком, её любимую, овсяную с ягодами. Режу яблоко дольками, складываю веером. Собираю рюкзак в сад: сменка, альбом для рисования, запасной сарафанчик, влажные салфетки.

Всё как обычно. Всё под контролем.

— Мам, — Мира сидит за столом, болтая ногами. — А ты красивая.

— Спасибо, солнышко.

— Раньше ты была не такая красивая.

Я усмехаюсь и отворачиваюсь к раковине, чтобы начать мыть посуду.

— Раньше я была полная.

— Ты была булочка.

Я замираю на секунду, и кружка застывает в моей руке.

— Да, — говорю я тихо. — Я была просто булочкой. Удобной булочкой.

Раньше.

До того, как я решила стать самой собой.

Звонит телефон.

Я смотрю на экран и вижу имя Матвея, моего начальника, который вечно ходит с расчёсанными волосами и с чашкой кофе в руке. В такую рань он звонит, только если случилось что-то действительно важное.

— Лидка! — его голос звенит так, будто он только что выиграл в лотерею. — Ты не поверишь!

Я прижимаю трубку плечом к уху и продолжаю мыть посуду.

— Что случилось, Матвей?

— Помнишь особняк купца Богатырёва на Садовой? Тот самый, который уже три года никто не может купить?

— Конечно, помню. Я тебе сто раз говорила, что из него можно сделать конфетку.

— Вот! Наконец-то нашёлся тот, кто согласен. Купил! Представляешь?

— Кто?

— Руслан Волков из «Волков-Строй». Тот самый из Москвы. Ну ты чего? Про него во всех строительных журналах пишут. Он хочет сделать там бутик-отель, высший класс.

Руслан. Волков.

У меня в буквальном смысле останавливается сердце. А потом оно начинает биться где-то в горле, в висках, в пятках. Моё тело почему-то становится ледяным. Тарелка выскальзывает из рук и с глухим стуком падает в раковину, вода летит в стороны, но я даже не обращаю на это внимания. Я смотрю в одну точку на стене и пытаюсь вспомнить, как дышать.

— Лидка? Ты здесь?

— Да, — выдавливаю я. — Здесь.

— Я с ним на конференции по архитектурному наследию познакомился год назад. Помнишь, в Москву летал? Представляешь, мы разговорились, а потом обменялись контактами. И вот — он в Ростове! Говорит, хочет местного архитектора, который знает городскую специфику.

Он в Ростове. Он здесь, может быть, в двух километрах от моего дома. А может, и ближе...

Я хочу сказать Матвею: «Нет, я не буду, найди кого-то другого» — и бросить трубку. Но я не могу, потому что, если я откажусь, он спросит «почему?», а у меня нет ответа, который не разрушит тот образ, который я создавала эти долгие годы.

— Лидка, это наш шанс! Особняк Богатырёва! Ты же его знаешь как свои пять пальцев. Ты нам год назад проект делала просто так, от скуки, помнишь?

Помню. Я сделала тот проект ночью, когда Мира уснула. Сидела на кухне, пила вино и рисовала. А ещё потому, что мы гуляли мимо этого особняка с Русланом за год до свадьбы. Он сказал тогда: «Из такого дома я бы сделал музей», а я ответила: «А я — отель с видом на набережную». Он засмеялся и поцеловал меня. Тогда я ещё не знала, что через четыре года он вышвырнет меня на улицу. И точно не могла догадаться, что этот особняк приведёт меня обратно к нему.

— Он тебя захочет лично увидеть, — продолжает Матвей. — Я сказал, что ты лучшая. Завтра встреча, в одиннадцать. Он приедет к нам в офис.

Завтра в одиннадцать. Он придёт туда, где я работаю каждый день.

Я смотрю на Миру, она поднимает на меня взгляд. Её серые глаза — его глаза.

— Лидка, ты чего молчишь? Ты же готова?

Я не готова. Я никогда не буду готова увидеть его снова. Но я смотрю на Миру — на его дочь, о которой он даже не знает, — и понимаю, что у меня нет выбора.

— Да, — говорю я. — Я готова.

— Отлично! Я знал, что на тебя можно положиться. Ладно, я побежал.

— Подожди, — перебиваю я. — Матвей... ты ему говорил про меня?

— Что именно?

— Ну... кто я. Что у меня есть дочь, допустим.

— Да зачем ему это? Ему нужен архитектор. А ты — лучший архитектор в этом городе. Я ему так и сказал.

Лучший архитектор.

Я закрываю глаза. Если бы он знал, кого привёл нам в клиенты. Если бы знал, что я — та самая женщина, которую его приятель вышвырнул беременную босиком за дверь.

— Ладно, — говорю я. — Завтра в одиннадцать.

— Отлично! Жду.

Он отключается, и я опускаю телефон.

Стою посреди кухни и смотрю на чёрный экран, в котором вижу своё отражение — пепельные волосы, короткое каре, чужие глаза. Он придёт сюда, в моё пространство, в мою новую жизнь, которую я построила без него.

— Мам, ты чего?

Мира смотрит на меня снизу вверх.

— Всё хорошо, солнышко.

Я улыбаюсь, но внутри — пустота и страх.

Завтра я увижу его впервые за пять лет.

Завтра я сделаю свою работу — профессионально, холодно, отстранённо.

Я больше не Лиля, я — Лидия, и он меня не узнает.

Но что, если он всё-таки почувствует? Что, если сердце вспомнит то, что забыл разум?

*Дорогие читатели!*

*Спасибо вам огромное за вашу поддержку!*

*Каждая звёздочка - особая награда для меня!*

*Не забывайте подписываться, чтобы не пропустить новые главы.*

## Глава 4

Следующее утро начинается с того, что я переворачиваю шкаф, и это не преувеличение. Я стою перед открытой дверцей уже минут пятнадцать и смотрю на вешалки, на которых висят блузки, жакеты, платья. Всё чёрное, серое, бежевое. Да, удобное и профессиональное. Но какое-то всё безликое. Такое, за которым можно спрятаться, если что.

Уговариваю себя, что это не имеет никакого значения, что он всё равно меня не узнает, что я иду на встречу как архитектор, а не как женщина, которая когда-то любила его до потери пульса. Но рука почему-то тянется к платью, которое висит в самом углу. Тёмно-синее, с длинным рукавом и поясом, который подчёркивает талию. Да, пять лет назад даже в самых сладких снах мне не снилось, что у меня будет такая талия.

Я купила его год назад на распродаже и ни разу не надела, потому что оно казалось мне слишком смелым, слишком заметным, слишком красивым для женщины, которая поклялась больше никогда не пытаться нравиться мужчинам. Но сегодня я хочу его надеть. Смотрю на своё отражение в зеркале и шепчу себе:

— Ты не Лиля. Ты Лидия. И он тебя не узнает.

И надеваю это чёртово платье. Потому что, если уж идти на встречу с прошлым, то хотя бы в красивой упаковке.

Матвей встречает меня у входа в офис. Он стоит с чашкой кофе в руке, волосы опять растрёпаны, рукава рубашки закатаны, и привычная полусонная улыбка играет на его лице. Я вижу его почти каждый день, и мне кажется, что я знаю его наизусть.

Но в тот момент, когда он поднимает глаза и замечает меня, я понимаю, что знаю не всё. Он замирает на секунду, буквально на одну, а потом его лицо становится каким-то другим, тёплым что ли. И в глазах появляется интерес, который я раньше не замечала. Или не хотела замечать.

— Вау, — говорит он, и в его голосе нет обычной шутиливой нотки. — Лидка, ты выглядишь потрясающе.

Я чувствую, как щёки начинают розоветь. Вот чёрт, почему они розовеют? Я же не в пятом классе, чтобы краснеть от комплимента, и отворачиваюсь, делая вид, что поправляю сумку на плече.

— Спасибо, Матвей. Просто хотела произвести впечатление на клиента.

— Ну, клиенту точно понравится, — он всё ещё смотрит на меня, и я замечаю, как его кадык дёргается. А потом я замечаю кое-что ещё: он стоит ближе, чем обычно. Намного ближе. Я чувствую запах его свежего цитрусового одеколона. И мне хочется сделать шаг назад, но я не двигаюсь.

Вообще-то, я должна была бы отступить. Это было бы разумно. Но разум, кажется, решил взять выходной.

Я поднимаю глаза и встречаюсь с ним взглядом. На секунду. На одну. Он тут же отводит их, смотрит в сторону, куда угодно, только не на меня.

Матвей, который всегда знает, что сказать, сыплет шутками без остановки, который умеет разрядить любую напряжённую атмосферу, смущается, глядя на меня.

У меня внутри что-то ёкает. Какой-то глупый, неловкий толчок где-то в груди. Я тут же заставляю себя успокоиться. Это ничего не значит. Просто платье. Просто такой он меня никогда не видел. Да я и сама забыла, когда последний раз чувствовала себя желанной.

В конференц-зале мы раскладываем чертежи, и я пытаюсь сосредоточиться на деле, но Матвей словно специально крутится рядом. Он поправляет стул, который и так стоит ровно. Он приносит мне воду, хотя я не просила.

— Матвей, — говорю я, когда он в третий раз проходит мимо меня с каким-то лишним движением. — Ты меня отвлекаешь.

— Извини, — он улыбается, но не уходит. Останавливается в двух шагах и смотрит так, будто хочет запомнить каждую чёрточку. — Лидка, ты не переживай. Всё пройдёт отлично. Ты лучшая. Я в тебя верю.

Говорит он это просто, по-дружески, но в глазах такая открытая нежность. Я боюсь смотреть прямо на него, потому что, если я позволю себе увидеть это, мне придётся что-то с этим делать. А я не хочу. Не сейчас.

— Спасибо, — отвечаю я сухо и отворачиваюсь к окну, делая вид, что меня внезапно заинтересовал вид на парковку.

Матвей хороший. Я знаю это. Он добрый, надёжный, спокойный. За три года работы он ни разу не повысил голос, не обещал того, чего не мог выполнить, не подставил. Он помогал мне с Мирой, когда няня отказывалась сидеть, а на работе был дедлайн. Он приносил мне кофе, когда я засиживалась допоздна. Он всегда был рядом, даже когда я отталкивала его.

Я на секунду представляю, что было бы, если бы мы с ним встретились раньше. До Руслана. До того, как я научилась никому не доверять. Наверное, я бы влюбилась. По уши. Но сейчас внутри меня — пустота. Там, где раньше было сердце, теперь стена. Я сама её построила, кирпич за кирпичом, в те первые ночи одиночества, когда плакала в подушку и не верила, что когда-нибудь станет легче. Стало. Но стену я не сломала.

— Лидка, ты слышишь меня? — голос Матвея возвращает меня в реальность.

— Что? Да. Извини, задумалась. О чём ты?

— Я говорю, он уже подъезжает. Секретарша сказала, через пять минут будет.

У меня сердце ухает вниз, в живот, в пятки. Пять минут. Я вижу, что Матвей волнуется не меньше моего. Его пальцы сжимают край стола, и он тут же отдёргивает их, будто обжёгся.

— Всё будет хорошо, — говорит он. — Я рядом.

Я киваю, но внутри меня всё дрожит. «Всё будет хорошо» — это, конечно, оптимистично. Особенно для женщины, которая сейчас собирается смотреть в глаза мужчине, вышвырнувшему её беременную на улицу.

— Я забыла в кабинете последние документы, — говорю я, поднимаясь из-за стола. — Ты пока закончи раскладывать чертежи. Я быстро.

Матвей кивает, а я выхожу из конференц-зала и иду по коридору к своему кабинету.

Документы лежат на столе там, где я их оставила вчера вечером. Я хватаю папку, проверяю, всё ли на месте, и возвращаюсь обратно.

У двери конференц-зала я слышу голоса. Матвей с кем-то говорит. Низкий, хрипловатый голос отвечает ему, и у меня подкашиваются колени.

Он уже здесь. Руслан Волков. Мой бывший муж. Отец моей дочери.

Я закрываю глаза и пытаюсь успокоить дыхание. Вдох — раз. Два. Три. Не помогает. Вообще никак.

— Лидка, — слышу голос Матвея. Он выходит ко мне. — Всё будет хорошо. Я здесь.

— Спасибо, — говорю я. — Ты иди. Дай мне ещё минуту.

Он колеблется секунду, потом кивает и уходит обратно в конференц-зал. Я смотрю ему вслед и думаю: какой же он хороший. И почему я не могу заставить себя чувствовать то, что он, кажется, чувствует ко мне?

Я остаюсь одна перед дверью. Вдох. Выдох. Вдох.

— Фиг с ним, — шепчу я себе под нос. — Чем чёрт не шутит. Может, он меня и правда не узнает. В любом случае, будет весело.

Я толкаю дверь.

## **Визуал Лидии**

Лидия Ветрова, 34 года











## **Визуал Руслана**

Руслан Волков, 40 лет















## Глава 5

Сначала я слышу его голос, и этот низкий, хриловатый тембр ударяет меня под дых. Сердце колотится, отдавая в висках, и я чувствую себя героиней дешёвого сериала — сейчас ещё в обморок грохнусь. Хотя нет, не грохнусь. Я слишком много работала над собой, чтобы падать в обморок при виде мужчины.

— ...поэтому я и хочу работать с местным архитектором, — говорит Волков. — Ваше бюро мне порекомендовали...

Он стоит спиной ко мне, и я смотрю на его широкие плечи, на тёмно-синий костюм, на седину на висках. Её не было пять лет назад, и от этого в груди разливается острая, режущая боль. Он постарел, или я просто его уже не помню? Я пытаюсь найти в нём того Руслана, которого любила, и не могу.

Матвей что-то говорит, представляет меня, но я слышу только обрывки фраз, выхваченные из общего шума: «наша главная гордость», «лучший специалист в городе», «Лидия Петровна Ветрова». Моё имя, произнесённое вслух, звучит так, будто не имеет ко мне никакого отношения, будто я смотрю фильм про себя со стороны.

Руслан поворачивается, и я смотрю в его глаза и теряюсь. Они совсем другие — холодные, уставшие, с морщинками в уголках, которых я не помню, с синяками под глазами. Он не спит, думаю я, или спит так же паршиво, как я? Я почти хочу спросить, но вовремя прикусываю язык. Не моё дело, уже не моё.

Он протягивает руку, и я смотрю на его ладонь — широкую, с длинными пальцами, — и меня накрывает волной воспоминаний. Эта рука гладила мой живот, когда я мечтала о ребёнке. Она сжимала мой подбородок в тот день, когда всё рухнуло.

— Руслан Волков. Очень приятно.

Чувствую запах его одеколona, и у меня внутри всё переворачивается. Тот же, чёрт возьми, он не изменил его за пять лет. Меня накрывает волной тошноты, и я жалею, что завтракала.

— Лидия Ветрова. Взаимно.

Я протягиваю свою руку, и наши пальцы соприкасаются. Чувствую тепло его кожи. Оно идёт по моей руке, как будто я подключилась к зарядке: от ладони к запястью, от запястья к локтю. Я чуть не дёргаюсь, но сдерживаюсь и думаю: вот же, прошло пять лет, а я всё ещё таю от его прикосновения. Идиотка, Лидия. Надо отпустить, но я не могу.

Отпускаю наконец. Он смотрит на меня странно, с лёгким недоумением. Просто отлично. Ты пришла сюда профессионалом, а ведёшь себя как подросток на первом свидании.

Я поднимаю глаза и понимаю — он не узнал. Совсем. Ни взгляд, ни голос, ни имя, ни запах — ничего не сработало. Я для него пустое место, чужой человек, архитектор, которого привёл его приятель.

Я чувствую на себе взгляд Матвея. Он смотрит на меня с беспокойством, хмурится, но молчит. Хороший мальчик, не лезет. Я благодарна ему за это. Сейчас любое вмешательство только всё испортит.

— Присаживайтесь, — говорит Руслан, указывая на стул.

Я сажусь, и стул противно скрипит подо мной. В конференц-зале пахнет кофе — секретарша, видимо, принесла его для всех. Я раскладываю чертежи и начинаю говорить.

Мой голос не дрожит, мои руки не трясутся — я профессионал, я Лидия Ветрова, и ради всего святого, я не буду думать о том, что он смотрит на моё декольте, когда я переворачиваю страницу. И о том, как близко он сидит.

— Вы мне кого-то напоминаете, — говорит он вдруг.

У меня сердце останавливается. Вдох застревает в горле. Вот чёрт. Я так и знала, что он это скажет, прямо как в плохом кино, и всё равно не готова к этому. Теперь главное — не выдать себя, главное — дышать.

Руслан смотрит на меня, и я чувствую его взгляд кожей. Буквально, по спине бегут мурашки. Я заставляю себя не отводить глаза, но внутри всё сжимается.

— Неужели? — говорю я с лёгкой улыбкой, надеясь, что голос меня не подведёт. — И кого же?

Он молчит секунду, смотрит на меня внимательно, изучающе, и я чувствую себя насекомым под лупой.

— Не могу понять, — говорит он медленно, растягивая слова. — Может, актриса какая-то. Или жена моего партнёра по бизнесу. Но я вас точно где-то видел.

— У меня типичная внешность, — отвечаю я и переворачиваю чертёж, надеясь, что он переключит внимание. — Многие так говорят.

— Возможно, — он не отводит взгляда, и это сводит меня с ума. — Вы из Ростова?

— Да, — вру я. — Родилась и выросла.

Он кивает, но в глазах остаётся сомнение. Я чувствую, как он сканирует меня — лицо, фигуру, руки, ищет какую-то деталь, которая подтвердит его подозрения. Мою родинку на шее? Её нет, я удалила её. Шрам на брови? Его почти не видно, я научилась маскировать его тональным кремом. Я сделала всё, чтобы от прежней Лили не осталось и следа, и сейчас, глядя в его глаза, я благодарю себя за это.

— Давайте перейдём к делу, — говорю я твёрдо, и мой голос звучит увереннее, чем я себя чувствую. — У меня есть несколько предварительных эскизов. Если вы не против, я покажу.

Он кивает, и я начинаю рассказывать — про планировку, про несущие стены, про освещение, про зонирование. Говорю быстро, чётко, профессионально, прячась за цифрами и терминами, как за каменной стеной. Он слушает, иногда задаёт вопросы — умные, точные, он разбирается в этом. Я смотрю на чертежи и не смотрю на него.

— У вас интересный стиль, — говорит он, когда я заканчиваю. — Современный, но с уважением к истории.

— Спасибо, — отвечаю я, и это слово звучит так сухо, что самой стыдно.

— У вас есть реализованные проекты? Я бы хотел посмотреть.

— Да, я пришлю вам ссылку на портфолио.

Он кивает и смотрит на мои руки. Я замираю — он что-то заметил? Кольцо? Но я не ношу кольца, мои пальцы пустые, ни обручального, ни помолвочного, никаких следов. У меня нет ничего, что могло бы выдать.

— Лидия Петровна, — говорит он, и моё имя, произнесённое его голосом, звучит так странно. — Вы замужем?

Вот это поворот. Я не ожидала такого вопроса, никак. Смотрю на него, пытаюсь понять — это профессиональный интерес или личный? И зачем ему это знать?

— Нет, — отвечаю я, и в моём голосе появляется холодок, которого я не планировала. — Я не замужем.

— А дети?

Я чувствую, как земля уходит из-под ног. Дети — это Мира, наша дочь, его дочь.

— Это закрытая информация, — говорю я с лёгкой улыбкой, стараясь, чтобы она не выглядела фальшивой. — Вы же нанимаете архитектора, а не няню.

Он усмехается, и эта усмешка — первая за весь разговор. Уголок его рта дёргается, и я вижу ту самую улыбку, которую помню, ту, что сводила меня с ума.

— Простите, — говорит он. — Вы правы. Я просто... вы мне правда кого-то напоминаете. И я не могу понять, кого.

— Может быть, вашу жену? — вырывается у меня раньше, чем я успеваю подумать, и я тут же жалею об этом.

## Глава 6 от лица Руслана

Я сижу в своём кабинете в Москве и тупо смотрю, как по стеклу стучит дождь. Апрель в этом городе всегда какая-то душевная помойка. Небо висит так низко, что кажется протяни руку и достанешь, серое, мокрое, давящее. В такие дни я ненавижу этот город. В такие дни я ненавижу всё.

На столе бардак. Контракты, отчёты, какие-то бумаги, которые я подписываю не глядя, лишь бы отвязались. Рука ходит сама собой: «Волков — подпись, Волков — подпись». Я мог бы подписывать документы во сне, всё равно не вникаю в суть.

Потому что по сути я так и сплю уже очень давно. Сплошной, бесконечный, серый сон без снов. Иногда мне кажется, что я умер и не заметил.

Дверь открывается без стука, и я даже не поднимаю головы. Только один человек в этом здании позволяет себе входить вот так, будто здесь всё её, будто она хозяйка. Я уже слышу её быстрые, цокающие шаги.

— Руслан, — голос звенит, как натянутая струна, готовая лопнуть. — Ты меня слышишь вообще?

— Слышу, — отвечаю я, не отрываясь от бумаг. Если я подниму голову, мне придётся смотреть на неё, а я не хочу. Ничего личного, просто устал. Устал от её голоса, от вечных требований, от её недовольства.

— Я с тобой разговариваю, а ты даже не смотришь на меня.

Поднимаю голову. Она стоит в дверях, и я смотрю на неё как на картинку из журнала. Красивая, ухоженная, но плоская. На ней новое розовое платье с блёстками, такое, что глаза начинает резать уже через секунду. Вроде взрослая баба, а всё из себя Барби строит. Волосы уложены идеально, макияж безупречен. Я каждый раз удивляюсь, сколько времени она тратит на то, чтобы выглядеть вот так.

Красивая — да, спорить не буду. Но холодная. Она даже пахнет холодными духами. Резкими, цветочными, какими-то агрессивными, и я никак не могу привыкнуть к этому запаху.

Вот уже почти пять лет я просыпаюсь рядом с Яной, и каждое утро одна и та же мысль: как я оказался с ней в одной постели?

Я знаю ответ, чёрт возьми. Я женился на ней через месяц после развода, когда ещё не мог дышать без боли. Мне казалось, если рядом будет кто-то другой, я смогу забыть.

Я выбрал её потому, что она была полной противоположностью Лили. У Лили были мягкие черты, тёплая улыбка, запах ромашки за версту. Яна — острая, резкая, требовательная. Лили никогда не повышала голос, Яна кричит при малейшей причине. Мне казалось, если всё будет по-другому, я смогу перезагрузиться.

Ага. Как же. Не забыл. Не перезагрузился. Раны просто загноились и теперь ноют каждый день.

— Что тебе нужно? — спрашиваю я, и мой голос звучит устало. Яна морщится.

Она подходит к столу и бросает передо мной глянцевый журнал. Разворот открыт на какой-то сумке.

— Вот эта, — говорит она, тыкая пальцем. Ноготь длинный, красный, как капля крови. — Я хочу эту. Четыреста тысяч.

Я смотрю на картинку. Сумка. Кожаная. С каким-то замочком. Красивая. Абсолютно бесполезная. Как всё, что она покупает. Как наш брак.

— Хорошо, — говорю я и тянусь за телефоном, чтобы перевести ей деньги.

Она не уходит. Стоит и смотрит на меня с каким-то странным выражением лица.

— И всё? — её голос становится выше. — Даже не спросишь, как у меня дела?

— А как у тебя дела? — спрашиваю я, просто чтобы отстала.

— Скучно, Руслан. Мне с тобой скучно. Каждый день одно и то же. Ты уходишь, возвращаешься поздно, смотришь сквозь меня. Ты вообще когда-нибудь думал о том, что я чувствую?

Я молчу. Не хочу продолжать этот глупейший разговор. Она фыркает, разворачивается на своих каблучках и выходит за дверь. Не забыв ей смачно хлопнуть.

Остаюсь один. Смотрю вслед Яне и думаю: она права. Я не люблю её. Не любил никогда.

Я женился на ней в тот чёрный месяц, когда мир рухнул. Лиля предала. Хорошо, что Андрей, который показал мне фото, открыл глаза. Я злился на него, конечно, что это он познакомил Лилю с тем мужиком. Но никто же не заставлял прыгать к нему в кровать. А Андрей это увидел. И сказал мне. Даже не знаю, может, лучше и не говорил бы.

А Яна — его сестра. Она была рядом, когда мне было особенно херово. Не задавала вопросов, не лезла в душу, сидела со мной, когда я напивался до чёртиков. Иногда мне казалось, что она единственная, кому не всё равно на меня. Я думал — вот, настоящая. Не то что эта.

А потом мне стало всё равно. Я просто взял и женился. Потому что надо было как-то жить дальше. Потому что, если бы я остался один, я бы, наверное, сошёл с ума.

Вот так и живём.

В дверь стучат один раз, очень вежливо. Леночка никогда не входит без стука в отличие от некоторых.

— Войдите.

Леночка заходит, замирает у порога, сжимая в руках телефон. У неё всегда такой вид, будто она боится, что я её укушу.

— Руслан Андреевич, билет в Ростов-на-Дону на завтра куплен. С Матвеем Петровичем созвонились, они ждут вас у себя в офисе к одиннадцати утра.

— Хорошо, — говорю я. — Спасибо.

Она выходит, а я смотрю на дождь за окном. Он всё льёт и льёт, будто кто-то забыл закрыть кран на небе.

Ростов. Матвей. Матюха.

Мы познакомились с ним год назад на конференции в Москве. Он подошёл ко мне после моего выступления, такой высокий, улыбчивый парниша. Сказал, что ему понравились мои проекты. Мы разговорились, и я не заметил, как пролетел час. Потом он предложил: «Может, в бар?». Я согласился. Мы просидели до двух ночи, пили виски, спорили про архитектуру, смеялись. Я впервые за долгое время чувствовал себя живым. Он рассказал про своё бюро «Ласточка» в Ростове, я — про свои московские стройки. Разошлись почти друзьями.

С тех пор часто перезванивались. Иногда он звонил просто спросить, как дела. Иногда я — узнать, не появилось ли в Ростове интересных объектов.

Особняк купца Богатырёва на Садовой я знал задолго до Матвея. Ещё тогда, с Лилей, мы гуляли мимо него. Когда он появился в продаже, я купил не думая. И сразу позвонил Матвею: «Матюха, нужен местный архитектор. Кто в Ростове лучший?» А он мне: «Лучший уже работает у меня. Приезжай, знакомлю».

Я согласился, даже не думая. Потому что надо вылезать из этой ямы. Потому что Матюха — один из немногих, с кем я могу разговаривать без этой дурацкой маски «успешного бизнесмена».

Интересно, он всё так же пьёт виски с колой? Надеюсь, скоро узнаю.

## Глава 7

Обстановка в зале стала напряжённой. Я чувствую, как Матвей переводит взгляд с меня на Руслана и обратно, будто мячик для пинг-понга, и от этого мне становится ещё тревожнее.

Руслан вглядывается в меня долго и пристально, слишком долго для случайного знакомства. Я молюсь про себя, чтобы он не увидел того, что я пытаюсь спрятать за этой маской спокойствия. Чтобы не заметил, как пульсирует жилка на шее, чтобы не услышал, как колотится сердце.

— Нет, — говорит он наконец. — Вы на Яну не похожи. Совсем.

Яну.

Я замираю на секунду. Он женился на Яне? На той, которая вечно крутилась рядом, заглядывала в рот, восхищалась каждым словом. Наверняка она после нашего развода подставила свою пышную грудь вместо жилетки, чтобы он утёр свои слёзки.

У меня внутри всё обрывается, и тёплая, тягучая боль разливается по груди, будто кто-то опрокинул туда чашку горячего кофе. Он женился на ней. Конечно, женился. А я думала — может он также переживал, как и я. Но нет. Глупая.

— Прямо совсем? — спрашиваю я как можно спокойнее, хотя на самом деле хочу закричать, встать и уйти, провалиться сквозь землю.

— Она... другая, — он замолкает и смотрит куда-то в сторону. — У неё волосы длинные, каштановые. Любит розовое. И глаза — карие. Она... другая.

Я слушаю и чувствую, как где-то внутри закипает злость. Он даже не вспомнил Лилю. Даже не подумал о ней.

— И давно вы в браке? — спрашиваю я тихо, хотя мне не надо спрашивать.

— Относительно, — говорит он коротко, и в его голосе появляется усталость. — Мы женаты. Уже пять лет.

Пять лет. Он женился на ней практически сразу после того, как вышвырнул меня. Я чувствую, как что-то горькое поднимается из груди к горлу. Не то чтобы я ревную. Просто... обидно. Что я плакала в подушку, пока он уже резвился с новой женой.

Мы возвращаемся к чертежам, как будто ничего не случилось. У меня внутри всё холодеет. Я невольно замираю на нём взглядом и думаю: как же мы докатились до того, что он женился на сестре человека, который когда-то подсыпал что-то в мой бокал? Который смотрел, как я теряю сознание, и улыбался?

— Что ж, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и не рассыпался на куски, как песочное печенье. — Если вы готовы, я покажу основные эскизы.

Руслан кивает, и я встаю из-за стола. Ноги дрожат мелкой дрожью, будто я стою на вибрирующей платформе, но я заставляю себя не обращать на это внимания. Не хватало ещё рухнуть перед ним.

Подхожу к доске, где мы с Матвеем развесили чертежи, и начинаю говорить. Сначала голос дрожит, я слышу это сама: как каждая фраза даётся с трудом, как слова спотыкаются друг о друга, как моя уверенность трещит по швам. Но я говорю: о планировке, о несущих стенах, об освещении, о зонировании. Я прячусь за цифрами и терминами, как за крепостной стеной, рассказываю, как можно превратить этот старый особняк в современный отель, сохранив его исторический дух и лепнину, как вписать современную вентиляцию и не убить то, что делало этот дом живым.

Матвей стоит рядом со мной, буквально в паре сантиметров. Он не мешает, не перебивает, просто находится близко, и я чувствую его поддержку даже без слов. Он смотрит на меня с лёгкой улыбкой, и в его глазах читается: «Ты справишься. Ты лучшая. Я здесь».

Я переключаю слайд за слайдом и не смотрю на Руслана, только на чертежи.

— И последний момент, — говорю я, переходя к финальному слайду. — Лестница. Я предлагаю сохранить оригинальную, но укрепить её. Это будет дороже, но результат того стоит.

— Согласен, — голос Руслана звучит негромко, но я слышу его отчётливо, слишком отчётливо. — Лестница — сердце дома.

У меня внутри всё обрывается второй раз за час. Это его фраза. Он говорил её раньше, когда мы гуляли по старым особнякам. «Лестница — сердце дома», — повторял он, а я запомнила, вбила в память, заархивировала. Глупая, романтичная Лиля запомнила, а теперь Лидия страдает прямо сейчас, в этом душном конференц-зале.

— Именно, — говорю я, надеясь, что голос не дрогнул. — Лестница задаёт настроение.

Матвей смотрит на меня с лёгким удивлением. Он понял, что это не просто дежурная фраза.

Презентация заканчивается. Я складываю чертежи, собираю бумаги, лишь бы не смотреть на Руслана и чтобы мои руки были заняты. В конце концов, если я буду выглядеть очень занятой, он не заметит, как дрожат мои пальцы.

— Отличная работа, Лидия Петровна, — говорит он с уважением. Это почему-то причиняет боль — будто он хвалит чужую женщину, а не меня. Хотя так оно и есть: он не знает.

— Спасибо, — отвечаю я сухо и коротко.

Руслан встаёт из-за стола и подходит ко мне. Слишком близко. Мне хочется отступить, сделать шаг назад, упереться в стену и закричать: «Уйди», но я заставляю себя стоять на месте и смотреть на него.

Матвей напрягается, его плечи становятся жёсткими, будто он готовится к драке. Я чувствую его беспокойство. Оно почти физическое, как нить, натянутая между нами.

— У вас есть портфолио реализованных проектов? — спрашивает Руслан.

— Да, я пришлю ссылку.

— Пришлите на личную почту. Я внимательно посмотрю.

Он достаёт визитку и протягивает мне. Наши пальцы снова соприкасаются, и я чувствую тепло его кожи. Всего на секунду, на одну чёртову секунду. Я отдёргиваю руку, будто случайно дотронулась до горячей сковородки.

— Обязательно, — говорю я и прячу визитку в карман, лишь бы не держать её в руках и не чувствовать его запах на картонной бумаге.

Матвей вдруг оживает. Улыбается, хлопает Руслана по плечу, и напряжение в комнате немного спадает.

— Рус, мы тут с Лидой после работы обычно в кафешку ходим, — говорит он легко. — Недалеко отсюда, уютно. Если хочешь, присоединяйся сегодня. Обсудим проект неформально, выпьем. Да и вообще, сто лет не виделись.

Я смотрю на Матвея и чувствую, как внутри всё закипает. Зачем он это сделал? Зачем пригласил его? Мы же могли просто обсудить проект здесь, в офисе, подписать бумаги и разойтись. А теперь я должна буду сидеть с ним в кафе, пить кофе, улыбаться и делать вид, что я — это не я.

Матвей, конечно, не знает. Он не виноват. Он просто хочет по-дружески посидеть с человеком, который ему симпатичен. Но мне от этого не легче. Руслан переводит взгляд на меня, и меня накрывает волной раздражения. За то, что он вообще существует.

Но я молчу и улыбаюсь самой милой улыбкой, на которую способна в этой ситуации.

— Лидия Петровна не будет возражать?

Попалась. Я теперь не могу отказаться, потому что, если я откажусь, он заподозрит неладное, потому что профессионалы не отказываются от неформальных встреч с такими крупными клиентами.

— Конечно, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал дружелюбно. — Будем рады.

— С удовольствием, — отвечает Руслан, и уголок его рта дёргается в улыбке.

У меня внутри всё переворачивается. Я чувствую себя героиней плохого анекдота.

— Тогда во сколько? — спрашивает Матвей, глядя на часы.

— Давайте в семь, — предлагаю я, просто чтобы назвать какое-то время. — У меня дочка, нужно забрать из сада.

Язык — мой враг. Слова вылетают сами, прежде чем я успеваю их остановить, как черти из табакерки.

— У вас есть дочь? — Руслан смотрит на меня внимательно, и я понимаю, что сболтнула лишнего.

— Да, — коротко отвечаю я, стараясь закрыть эту тему навсегда. — Это не относится к проекту.

— Извините, — он кивает, но в глазах остаётся любопытство.

— Тогда в семь, — говорю я и начинаю собирать сумку быстро-быстро, будто от этого зависит моя жизнь. — Я пришлю адрес.

— Я вас провожу, — Руслан делает шаг ко мне, и у меня внутри всё сжимается в тугой комок.

— Не стоит, — отвечаю я слишком быстро и резко. — Я на машине.

Он замирает и смотрит на меня странно. Я перестаралась. Надо было просто согласиться и выйти с ним вместе, как нормальная женщина. Но я не могу, физически не могу идти с ним рядом по коридору, спускаться в лифте, чувствовать его запах в замкнутом пространстве. Я задохнусь.

— Хорошо, — говорит он. — До вечера.

Я киваю и выхожу из конференц-зала, почти выбегаю. Слышу, как Матвей что-то говорит Руслану про проект и документацию, про то, что он всё подготовит. Не разбираю слов и не хочу разбирать.

Иду по коридору, и мои ноги дрожат, а каблук цокает по кафелю быстро-быстро, в такт сердцу. Что я сказала? Про дочку? Про машину? Какой идиоткой я была, когда ляпнула про дочку?

Он не узнал — это хорошо, это отлично, это главное. Но он что-то ищет. Я чувствую это нутром. Я знаю его — если он что-то заподозрит, он не успокоится, пока не раскопает правду.

Захожу в свой кабинет и закрываю за собой дверь, чтобы никто не вошёл и не увидел, в каком я состоянии. Останавливаюсь посреди комнаты, смотрю в пол и дышу. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

— Ты справишься, — шепчу я себе в пустоту кабинета. — Ты справлялась и не с такими задачами. Например, ты научилась открывать банки без мужской помощи — это чего стоит. Всё остальное уже мелочи. Это просто ужин. Просто кофе. Ничего страшного.

Внутри меня всё дрожит, как желе.

Вечером я снова увижу его. И мне придётся пить с ним кофе, улыбаться и притворяться, что я никогда не лежала рядом с ним в одной постели.

Я больше не Лиля, я — Лидия. И он меня не узнает.

Но если он подойдёт слишком близко и посмотрит в упор — я не знаю, выдержу ли.

Главное — не смотреть на него пристально. Не вспоминать.

Я смотрю на часы. Чёрт, осталось всего пять часов. Время не остановишь, а я согласилась сама. Ладно, выбора нет. Только вперёд.

## Глава 8

Матвей выбрал ирландский паб. Тёмное дерево, низкие сводчатые потолки, запах воска и жареного мяса. Свет здесь такой приглушённый, что лица становятся мягче, а острые углы сглаживаются. Я сижу на неудобном кожаном диване и смотрю, как Матвей разливает виски по тяжёлым стаканам с толстым дном.

— За встречу? — он поднимает свой стакан.

Руслан кивает и смотрит на меня. Ждёт. Я не могу отказаться — это будет странно. Архитектор, который не пьёт с клиентом после подписания договора.

— За успешный проект, — говорю я и делаю глоток.

Виски обжигает горло и растекается по пищеводу тёплой волной. Я не пью крепкий алкоголь уже пару лет точно. Организм забыл, как на это реагировать.

Мужчины пьют второй бокал. И третий. Я только пригубляю, они с Матвеем осушают стаканы почти залпом. Моя голова ещё ясная, но внутри разливается предательское тепло, и я чувствую, как напряжение в плечах понемногу отпускает.

Матвей хохочет, рассказывая историю про то, как в отеле перепутали и их поселили в номере с одной кроватью.

— Я говорю ему: «Рус, ты не спишь?» А он храпит уже час, — Матвей отсмеивается, трёт глаза. — Я просидел в кресле до утра, как собака.

Руслан расслабленно усмехается. Виски сделал своё дело: его плечи опустились, взгляд стал мягче, задумчивее. Его взгляд гуляет по мне как по карте. Губы, шея, снова губы. Я чувствую каждую его остановку. Отвожу глаза, только бы не встретиться с ним.

Матвей уходит в туалет. Мы остаёмся вдвоём. Неловкая тишина повисает между нами.

Руслан наклоняется ко мне. Ближе. Слишком близко. Я чувствую запах его дыхания.

— Лидия, — говорит он, и моё имя в его устах звучит как прикосновение. — Вы всегда такая... напряжённая?

— Это называется профессионализм, — отвечаю я сухо.

— Нет, — он качает головой. В его глазах пляшут блики свечей. — Это называется «я боюсь себе что-то позволить». Расслабиться. Улыбнуться.

Я молчу. Он видит. Он всегда видел слишком много, этот чёрт.

— У меня дочка, — говорю я. — Маленькие дети не дают расслабляться.

— И поэтому вы носите линзы? — он наклоняет голову. — Скрываете настоящий цвет глаз?

Я замираю. Сердце ухает куда-то вниз, проваливается в желудок и тонет в виски.

— Мои глаза не меняют цвет от контактных линз, — говорю я. И тут же понимаю, как глупо это звучит. Сама себя выдаю.

— Нет, — он улыбается, и в этой улыбке появляется что-то новое, опасное. — Вы носите цветные линзы. Ваши глаза на самом деле другого цвета.

Я перестаю дышать. Чувствую себя голой. Ободранной.

— Откуда вы знаете? — спрашиваю я шёпотом.

— Я рассматривал вас слишком долго, — отвечает он просто.

Матвей возвращается, садится на своё место и смотрит на стакан Руслана.

— Рус, ты темпы не сбавляешь? Мы ж не на соревнованиях.

Руслан усмехается, не отвечает. Но я замечаю, как его взгляд снова возвращается ко мне. Я почти задыхаюсь от облегчения — Матвей здесь, я не одна. Как же вовремя он вернулся.

— Лидия Петровна, я хочу подписать договор прямо сейчас, — говорит Руслан. — Ваши условия меня устраивают.

Матвей хлопает в ладоши, как ребёнок, и лезет в портфель за документами.

Я смотрю на бумагу, на место для моей подписи, и понимаю: если я подпишу — я официально стану работать на него. На человека, который вышвырнул меня. На отца моей дочери, который не знает, что она существует.

Я подписываю.

Матвей радуется, хлопает меня по плечу. И я замечаю, как его рука задерживается на моём плече дольше, чем нужно. Как его пальцы чуть сжимаются.

И я ловлю взгляд Руслана: он скользит по руке Матвея, по мне. В его глазах холодный блеск. Он отводит взгляд первым, но я успеваю увидеть.

Четвёртый стакан виски стоит перед Русланом почти пустым. Он расслаблен. Опасен.

Матвей снова куда-то отлучается. Ему звонит секретарь, и он выходит на улицу, потому что в подвале не ловит связь. Но перед выходом я замечаю, как он беспокойно смотрит на меня. Потом переводит взгляд на Руслана и уходит.

Я остаюсь одна. С человеком, который раздевает меня взглядом.

— Вы даже не представляете, насколько вы... — он замолкает, усмехается и отводит взгляд первым. — Ладно. Не буду вас пугать.

— Вы мне тоже симпатичны, Руслан Андреевич. Как клиент. Всё остальное — проекция вашего виски, — говорю я, пытаюсь отодвинуться, но диван маленький, и мне некуда деваться. — По-моему, вы выпили лишнего.

— Я выпил ровно столько, чтобы сказать правду, — он улыбается, и я вижу знакомую улыбку.

— Это не профессионально, — бормочу я, чувствуя, как горло перехватывает.

— А кто сказал, что я хочу профессиональных отношений?

Он тянется ко мне.

— Я замужем, — вру я, в панике выдумывая самый простой способ отшить его.

Он усмехается.

— Вы врёте.

— С чего вы взяли?

— У вас нет кольца. Вы не говорите о муже. Да и у Моти я спросил.

Я краем глаза замечаю Матвея. Он вернулся и стоит у входа в зал, сжимая телефон. Лицо у него каменное. Смотрит на Руслана, на меня. Потом разворачивается и уходит за стойку бара, подальше от нашего столика.

— Мне нужно в дамскую комнату, — выпаливаю я.

Вскакиваю с дивана так резко, что стакан падает на пол и разбивается. Руслан вдруг перехватывает мою руку чуть выше запястья. Не больно. Прочно.

— Не убегайте, — говорит тихо.

— Пустите, — шепчу я.

— А если не пушу?

Его пальцы сжимаются чуть сильнее, и я чувствую, как бешено колотится пульс. Там, под его пальцами. Он чувствует.

Усмехается.

— Спокойно. — Отпускает. — Я не кусаюсь... пока.

Я пулей лечу в туалет. Захожу в кабинку, закрываю дверь и падаю спиной на холодную стену.

Слёзы приходят сами. Я не плачу, меня просто выворачивает наизнанку. Молча, без звука, зажав рот ладонью.

Он меня клеит. Он не узнал, но он меня клеит. Для него я — просто женщина, которая понравилась. Новая игрушка. Цель.

А я — мать его ребёнка. Женщина, которую он вышвырнул. И он даже не знает.

Я смотрю на себя в зеркало над раковиной. Размазанная тушь делает меня похожей на панду. Красные глаза. Опухшие веки.

Ничего общего с Лилей.

Поворачиваю кран, умываюсь холодной водой. Она щиплет кожу, возвращает в реальность. Не могу этого выдержать. Не могу сидеть с ним рядом, слушать его комплименты, смотреть в его глаза и притворяться, что я чужая.

Я хочу домой. К Мире. Туда, где я просто мама.

Выхожу из туалета, огибаю зал через другую сторону. Мимо кухни, мимо служебного входа. Схватываю пальто с вешалки и выбегаю на улицу.

Холодный вечерний воздух бьёт в лицо, отрезвляет. Я делаю несколько шагов в сторону парковки, где стоят такси, и замираю.

Руслан стоит у входа, привалившись плечом к стене из красного кирпича. Он курит. Сигарета тлеет в его пальцах, и я смотрю на этот огонёк, как заворожённая. В сигаретном дыме его лицо кажется призрачным.

Зачем он здесь? Почему не остался в пабе с Матвеем?

— Куда же вы так спешите, Лидия? — спрашивает он, выпуская дым в вечернее небо.

Я смотрю на него и понимаю: он ждал меня. Он знал, что я попытаюсь уйти.

У меня внутри всё падает.

Я сжимаю пальто и делаю шаг назад. К машине такси. К свободе. Но он смотрит так, будто уже знает, что я скажу. Будто уже прочитал мои мысли.

От этого разговора не убежать. Можно только доиграть до конца.

## Глава 9 от лица Руслана

Я докуриваю сигарету и смотрю на дверь паба, из которой вот-вот вылетит эта женщина. Знаю это. Я видел её лицо, когда она шла в туалет. Было понятно, что Лидия не вернётся. Ей хотелось убежать от меня.

Интересно, я когда-то был таким же? Бежал?

Нет. Я всегда стоял и смотрел, как бегут другие.

Дверь открывается. Она вылетает, натягивая пальто на ходу, ветер треплет воротник, и она придерживает его рукой. В уличном свете её лицо кажется почти прозрачным. Она идёт в мою сторону, но ещё не замечает, и я чувствую сладкий, молочный запах её волос, такой знакомый, что на секунду у меня перехватывает дыхание. Но откуда? Я не помню.

Она делает ещё несколько шагов в сторону парковки и замирает, увидев меня.

— Куда же вы так спешите, Лидия? — спрашиваю я, выпуская дым в вечернее небо. Голос звучит спокойно — я специально. Мне нравится смотреть, как она пытается взять себя в руки.

Лида смотрит на меня так, будто я привидение, я не должен здесь стоять. Мне кажется, что ей бы хотелось, чтобы меня вообще не существовало. Но это только подогревает моё желание играть в эту игру. Как кот с мышкой.

Когда наши взгляды встречаются, у меня внутри всё сжимается. И я честно пытаюсь понять: это просто обычная похоть к красивой женщине или что-то ещё? Потому что внутри — там, где я уже много лет ничего не чувствую, — вдруг начинает что-то происходить.

Из дверей паба выходит Матвей. Он переводит взгляд с меня на неё, и я замечаю, как с его лица исчезает обычная улыбка, будто кто-то за секунду стёр её ластиком. Он даже плечи расправил по-другому — напряжённо, хищно. Такой Матюха мне не знаком.

— Лид, что случилось? — он подходит к ней, оттесняя плечом в сторону, будто прячет. Ну-ну. Будто я монстр какой. — Ты побледнела. Руслан тебя чем-то обидел? Что у вас происходит?

Замечаю, как его рука почти касается её локтя, но он не решается дотронуться. Трусилка.

Она качает головой. Так резко, будто боится, что если замедлится, то не успеет соврать.

— Нет, Матвей. Всё нормально. Просто пора домой.

Матвей смотрит на неё, и в его взгляде появляется тепло. Настоящее. Незащищённое. А она не отводит глаза. Значит, он ей тоже безразличен.

Меня это злит.

— Мне позвонила подруга, она сейчас сидит с Мирой. Нужно ехать, — говорит она быстро. — Матвей, посади меня на такси, пожалуйста.

— Я провожу, — говорю я прежде, чем успеваю подумать.

Зачем я это сказал? Сам не знаю. Может, хочу увидеть её реакцию. Может, просто бесят эти двое, которые устроили тут сцену из мелодрамы.

Она смотрит на меня. Молчит. В её взгляде — ледяная выдержка. Будто для неё я — пустое место. И это бесит ещё больше.

Матвей сжимает челюсть, явно сдерживая себя. Смотрит волком.

— Рус, ты оплатишь счёт? Я сам провожу Лиду.

Давлю желание возразить. Киваю.

— Хорошо.

Она уходит с Матвеем к стоянке такси. Я не хочу на это смотреть. Разворачиваюсь и иду в паб — оплатить счёт.

Когда возвращаюсь, Матвей уже стоит у входа один. Смотрит тяжело.

— Ты чего так на неё взелся?

— Ничего я не взъелся, — отвечаю я спокойно. — Она просто... интересная.

Матвей усмехается, но невесело.

— Рус, ты в Ростове по делу. Не забывай. И имей в виду — Лида очень хорошая. Не надо делать ей больно своими командировочными романами. Ты её совсем не знаешь. Она не из тех, кто готов спать с кем попало.

Я не отвечаю.

— Ладно, — он отворачивается. — Езжай в гостиницу. Завтра встретимся на объекте. А я ещё выпью. Один.

Он разворачивается и уходит в паб, дёрнув плечом.

А я остаюсь на улице один. Смотрю на пустую дорогу, где недавно стояло такси, и всё ещё чувствую запах её волос.

Матвей, может, и прав. Но это ничего не меняет.

В гостинице тихо. Слишком тихо. Я захожу в номер, швыряю ключ на тумбочку и падаю в кресло, даже не снимая пальто. Голова тяжёлая от виски. Перед глазами — её лицо. Лидия. Лидия Ветрова.

Я прокручиваю в голове каждую минуту сегодняшнего вечера. Её голос, который дрогнул, когда я сказал про лестницу. Её руки, которые она спрятала под стол. Её взгляд, когда она сказала «у меня дочка». И запах — её сладкий запах, который не идёт из головы.

Почему это так задевает? Я видел сотни женщин. Красивых, умных, интересных. Но ни одна не заставляла меня чувствовать себя так.

В ней есть что-то смутно знакомое. Что-то, что вертится на языке, но никак не вспомнить. Когда она смотрит на меня, я ловлю себя на мысли, что уже видел этот взгляд. Где? Когда? Не помню. Но от него становится не по себе.

Я почти уверен, что у неё линзы. Значит, она что-то скрывает. Но что может скрывать архитектор из Ростова?

Внезапно я вспоминаю её реакцию на мои слова: «Лестница — сердце дома». Она вздрогнула. Только на секунду, но я заметил. И почувствовал. Она знает эту фразу. Откуда?

Я встаю с кресла, подхожу к окну. Номер на седьмом этаже, и внизу — вечерний Ростов. Огни машин расплываются в сырой дымке, мокрый асфальт блестит, как чёрное стекло. Люди спешат по своим делам, не зная, что где-то здесь живёт женщина, которая не даёт мне покоя.

Я ненавижу это чувство. Ненавижу, когда не могу разгадать человека.

Достаю телефон. На экране номер секретарши. Уже поздно, но мне плевать.

— Елена Сергеевна, — говорю я, и она отвечает сразу.

— Руслан Андреевич? Слушаю.

— Найдите мне всё на архитектора из Ростова. Лидию Петровну Ветрову. Где училась, где работала раньше, есть ли семья, откуда родом. Чем быстрее, тем лучше.

Слышу её молчание, но она никогда не задаёт лишних вопросов.

До завтра.

Я ложусь на кровать, смотрю в потолок. В ушах всё ещё звучит её голос: «По-моему, вы выпили лишнего». Сухо. Холодно. Будто отгораживается. Будто ставит барьер, который я не могу преодолеть.

Интересно, что она делает сейчас? Вернулась домой. К дочке. Целует её в макушку, читает сказку, засыпает.

И не знает, что я лежу здесь и думаю о ней. Что я, взрослый мужчина, который всегда получал всё, что хотел, не могу уснуть, потому что в голове застряла женщина, которую я видел всего один раз.

Смешно. Если бы кто-то сказал мне об этом месяц назад, я бы посмеялся в лицо.

Но скоро я узнаю о ней больше.

Я закрываю глаза. В темноте передо мной снова возникает её лицо. Я знаю его. Я знаю его очень давно.

Засыпаю с этой мыслью. И мне снится она. И её глаза — не зелёные, а карие. Почему-то карие.

## Глава 10

Дома тихо, Мира уже спит. Слышу, как гудит холодильник, как тикают часы в коридоре.  
— Лидка, ты?

Голос Вероники слышу из глубины квартиры, с кухни. Она выходит в коридор, вытирая руки о полотенце. В кофте оверсайз и джинсах, которые кажутся размеров на пять больше, чем она. Я такое не люблю, всё-таки предпочитаю женственные приталенные вещи. Волосы Ники собраны в пучок на затылке, торчат в разные стороны, как солома.

Я смотрю на неё и вспоминаю, как мы познакомились. Почти пять лет назад. В роддоме. Она была моей медсестрой. Молодая, дерзкая, с вечно торчащими из-под шапочки кудрями и огромными серьгами, которые главврач запрещал, но она всё равно носила.

Я лежала в палате одна, ревела в подушку и ненавидела весь мир. Вероника заходила по ночам «проверить давление» и приносила мне чай и плитку тёмного шоколада. «Тебе надо держаться, ради малышки», — говорила она. И я держалась.

Потом я уехала из роддома с Мирой, но мы не расстались. Она стала не просто медсестрой — подругой, сестрой, спасательным кругом. Единственным человеком, кто знал всю правду про меня.

У неё нет своих детей. И я никогда не спрашивала почему. Просто знаю, что если я ей позвоню с сумасшедшей просьбой даже в три часа ночи, она никогда не откажет.

— Я, — грустно выдыхаю, и она сразу всё понимает. Не спрашивает «как прошло», не лезет с расспросами. Просто кивает, забирает у меня промокшее пальто и вешает его на плечики сушиться.

— Проходи на кухню, глинтвейн горячий, только приготовила. И пряники купила твои любимые, с корицей.

— Хорошо. Только к дочке зайду.

Прохожу в комнату Миры на цыпочках, как вор, боясь разбудить. Здесь темно, светит только маленький ночник — проектор, который рисует на потолке звёзды. Они медленно плывут, как живые, и я на секунду залипаю на них, вспоминая, как мы выбирали этот ночник вместе. Мира тогда сказала: «Хочу, чтобы в комнате было как в космосе». Теперь звёзды светят ей каждую ночь.

Она спит, раскинувшись звёздочкой. Руки в стороны, ноги поверх одеяла, подушка валяется на полу. Волосы разметались по наволочке. Тонкие, светлые.

Сажусь на край кровати. Мира морщится во сне, но не просыпается.

Смотрю на неё. Серые глаза сейчас закрыты, но я знаю — они точь-в-точь его. И чем дольше я сижу, тем больше замечаю. Уголки губ, поворот головы, даже то, как она морщит нос во сне. Всё от него. Каждый день я вижу его в ней. И каждый день делаю вид, что не замечаю.

Поправляю одеяло. Она вздыхает во сне и переворачивается на бок, поджимая колени к животу. Маленький тёплый комочек, который я когда-то впервые прижала к груди в родильной палате.

На кухне пахнет корицей и апельсинами. Вероника разливает глинтвейн по кружкам — красная жидкость парит, конденсируется на стёклах, оставляет влажные разводы на столешнице, которые она тут же вытирает рукавом. На блюде пряники, посыпанные сахарной пудрой.

— Ну? — спрашивает Вероника, пододвигая мне кружку. Подальше от края, чтобы я не задела локтем. Она всегда так делает, потому что знает мою неуклюжесть. — Что там было?

Я падаю на стул, вздыхаю так, будто несла мешок цемента на девятый этаж без лифта. Грудную клетку давит от слов, которые нужно выговорить.

— Он не узнал.

Вероника выгибает бровь.

— Совсем?

— Совсем. Смотрел как на пустое место. Ни взгляд, ни голос, ни запах — ничего. Ни одна чёртова деталь не напомнила ему обо мне.

Рассказываю ей всё. Вероника слушает молча. Только крутит кружку. Крутит и крутит, глинтвейн расплёскивается, оставляет тёмные пятна на скатерти, которые расползаются, как кляксы.

— А если узнает? — говорит она наконец.

— Не узнает, — говорю я в кружку.

— А если?

— Тогда всё рухнет, — смотрю в потолок, где медленно кружат тени от люстры. — Всё, что я строила пять лет.

Вероника молчит. Потом протягивает руку через стол и накрывает мою ладонь своей.

— Лида, ты не одна, — говорит она. — Ты теперь никогда не будешь одна.

Вероника допивает глинтвейн залпом, морщится, горячее обжигает губы, она трёт их тыльной стороной ладони.

— Мне пора.

Встаёт, поправляет кофту, сдёргивает с плеча невидимую нитку. На пороге обнимает меня.

— Ты справишься, — шепчет она в макушку. — Справлялась до него. Справишься и после.

Киваю, прижимаюсь щекой к её плечу. На кофте остаётся мокрый след от моих глаз.

Дверь закрывается с тихим щелчком.

Возвращаюсь в комнату Миры. Она всё так же спит комочком. Поднимаю подушку, кладу обратно. Щёки у Миры розовые, губы приоткрыты, и я слышу её тихое мерное посапывание.

Сажусь на край кровати, глажу её по голове. Волосы скользят между пальцев.

И меня накрывает, как волной на пустынном пляже.

Я вспоминаю роды.

Больничная палата. Две пустые койки, заправленные серым казённым бельём. Я на третьей. Одна. На тумбочке стоит только бутылка воды без газа. Над головой — капельница, раствор стекает по трубочке капля за каплей.

Схватка. Живот камнеет. Впиваюсь ногтями в холодный металлический поручень, дышу — не помогает. Слышу, как за окном дворник скребёт асфальт — вр-р-р, вр-р-р. Я ненавижу этот звук. Я ненавижу всё.

Схватка отпускает. Вытираю пот со лба. Смотрю на живот и шепчу: «Ну давай, малыш. Давай уже».

И когда она рождается — этот пронзительный крик — мир перестаёт существовать. Есть только она. Медсестра кладёт её, мокрую, мне на грудь. И я чувствую запах. Её запах. Сладкий, молочный. Тот самый, который сейчас, когда она спит рядом.

Живот сводит от этого воспоминания, будто я снова там. Будто снова кричу в подушку. Будто они не закончились — эти проклятые схватки.

Я плачу. Впервые за этот год. Впервые за этот ад.

«Я не пожалела, что не сказала ему», — думаю я.

И это правда.

Он не заслужил знать. Не заслужил держать меня за руку. Не заслужил смотреть на это чудо. Он вышвырнул меня. Не поверил. Не захотел слушать. Он выбрал свою правду, а не меня.

Я не жалела. Пять лет не жалела. Я повторяла это как мантру. Как заклинание. Как клятву.

Но сейчас — жалею.

Потому что сегодня я смотрела в его глаза. Потому что он был близко, так близко, что я слышала его дыхание. Так же, как тогда, когда мы лежали в обнимку.

Потому что я хочу, чтобы он знал. Хочу, чтобы он посмотрел на неё и понял. И пожалел. И разбился вдребезги.

Пальцы сжимаются в кулаки. Ногти впиваются в ладони. Мне больно, но это ничего, это помогает не разреветься снова.

Телефон мигает на тумбочке. Беру.

Сообщение от Матвея.

«Завтра в 10 на объекте. Встреть Руслана. У меня с утра дела, буду позже. Держись»

Кладу телефон на тумбочку экраном вниз. Не хочу видеть его имя. Не хочу думать, что завтра снова придётся притворяться.

Ложусь на кровать рядом с Мирой. Обнимаю её. Отодвигаю мокрую прядку со лба.

Я хочу, чтобы он никогда не узнал.

И в ту же секунду понимаю — хочу, чтобы узнал. Чтобы посмотрел в её глаза. Свои глаза. И понял. И пожалел. И сдох от этой боли, как я сдыхала в пустой палате.

Я выдержу.

Завтра я надену маску. Улыбнусь. Буду профессиональной и холодной. Не подпущу его близко.

А сегодня...

Закрываю глаза. Мира шевелится во сне, прижимается лбом к моему плечу, и я чувствую, как её сердечко ровно бьётся.

Сегодня я просто мама. Могу не притворяться. Могу плакать в подушку, пока никто не видит.

## Глава 11

Я приезжаю на объект на полчаса раньше. Люблю осматривать здание в одиночестве, без лишних голосов и взглядов. Сажусь в машину, смотрю на особняк через лобовое стекло. Тяжёлый массивный силуэт, высокие арочные окна, облупившаяся краска на фасаде. Здание выглядит уставшим, но всё ещё держится. Как я. Как моя жизнь после него.

Потом вылезает и иду к чёрному входу. Старые половицы скрипят под ногами, и мне кажется, что дом вздыхает, когда я наступаю.

Внутри тихо и сыро. Сводчатые потолки, лепнина, которая помнит прежних хозяев: когда-то она была белоснежной, а теперь пожелтела и местами осыпалась. По стенам идут трещины, глубокие, как шрамы. Я провожу по ним пальцем.

Достаю планшет, делаю пометки: фотографирую углы, сверяю проёмы с чертежами, отмечаю каждую трещину. Записываю размеры, рисую схемы, считаю нагрузки. Работа — моя броня. Она никогда меня не предавала. В отличие от него.

Слышу шаги раньше, чем голос.

— Лидия Петровна, вы уже здесь? Я думал, я первый.

Руслан. Он заходит через главный вход, стряхивая капли дождя с плеч. На нём тёмно-синий костюм, без галстука, верхняя пуговица расстёгнута, виден край ключицы. Свет падает на его лицо, подчёркивая морщины у глаз, которых я не помню, и седые пряди на висках.

— Я люблю приезжать заранее, — говорю я ровно, насколько могу. — Осмотреться, сверить чертежи с реальностью.

Останавливается в метре от меня. Достаточно далеко, чтобы было безопасно. Но недостаточно, чтобы я могла дышать спокойно.

— Хорошее вложение, — говорит он, оглядываясь. — Здание впечатляет. Жаль, что его почти не ремонтировали.

— Поэтому я здесь, — отвечаю я, возвращаясь к планшету.

Я разворачиваю план на широком подоконнике. Показываю зону перекрытий, вожу карандашом по линиям, объясняю, где нужно усилить балки. Говорю быстро, чётко, без лишнего слова. Рублю фразы, как топором, лишь бы не давать себе паузы. Потому что если я замолчу, он что-нибудь скажет. А я не уверена, что могу ответить на все его вопросы.

Он слушает, иногда вссоставляет умные, точные замечания. Волков разбирается в этом, чёрт возьми. Всегда разбирался.

Потом он наклоняется, чтобы рассмотреть детали, и я чувствую его запах. Внутри всё переворачивается. Кровь приливает к лицу. Сердце колотится так, что, кажется, выпрыгнет. И я ненавижу себя за эту реакцию — за то, что организм не слушается приказов, за то, что он всё ещё может на меня так действовать.

Я делаю шаг назад. Натыкаюсь на стену. Обои холодные, шершавые, но они не охлаждают этот пожар внутри.

— Вот здесь, — тычу пальцем в лист. — Если убрать эту перегородку, можно выиграть три метра. Но тогда придётся усиливать балки перекрытия.

— Вам нездоровится? — спрашивает Руслан тихо, и его голос звучит обеспокоенно. — Вы бледная. Губы белые.

— Всё в порядке. Просто душно.

Врёшь, Лидия. Здесь не душно. Здесь пыльно и холодно. А душно тебе от того, что он стоит в двух шагах и смотрит так, будто читает меня как открытую книгу.

Волков смотрит на меня в упор, не отводя глаз. Я чувствую, как его взгляд проходит по моему лицу, задерживается на губах, опускается к шее. И каждый миллиметр моей кожи горит под этим взглядом, хотя он даже не прикасается.

— Вы сегодня какая-то... другая, — говорит он.

— Возможно, — отвечаю я, возвращаясь к чертежу. — Давайте сосредоточимся на проекте.

Он усмехается. Уголок его рта дёргается — так знакомо, так больно.

И сейчас я стою здесь и чувствую, как тает стержень, который я вколачивала в себя всё это время — кирпич за кирпичом, тренировками, бессонными ночами. Как я снова превращаюсь в ту Лилию, которая ловила каждое его слово, замирала от его улыбки, ждала, когда он обратит внимание, и готова была простить всё.

Нет. Только не это. Я не для этого сбрасывала тридцать килограммов. Не для этого меняла имя, город, жизнь. Не для того, чтобы снова рассыпаться от одного его взгляда.

Я делаю глубокий вдох и выпрямляюсь, расправляя плечи. Пусть видит. Пусть смотрит. Я не та, кем была.

Он протягивает руку к чертежу. Наши пальцы встречаются. Искра. Настоящая, почти осязаемая. И в этот момент я чувствую, как внутри просыпается надежда. Глупость. Идиотская, детская надежда, что он пожалел, что тогда так поступил.

Я медленно, очень медленно убираю свою руку. Кладу карандаш на планшет. Поднимаю голову и смотрю ему прямо в глаза. Не отвожу взгляд, не прячусь.

— Лестница, — говорю я, и мой голос становится стальным. — Самое сложное в этом объекте. Я подготовлю расчёт к концу недели.

— Я восхищён вашим подходом, — говорит он, не отводя взгляда. В его глазах мелькает уважение.

— Просто я люблю свою работу, — отрезаю я.

Он смотрит на меня. В его глазах напряжение, интерес.

Я возвращаюсь к чертежу, делаю вид, что изучаю узлы. Вожу карандашом по линиям, помечаю размеры, переворачиваю страницу. Лишь бы не смотреть на него, лишь бы не дать себе ни секунды слабости.

— Лидия Петровна, — слышу его голос совсем близко.

Поднимаю голову. Он не отошёл. Он всё так же рядом, но теперь наклоняется, и его лицо оказывается в сантиметре от моего. Я чувствую его дыхание на своей щеке.

Я замираю. Не дышу. Боюсь, что если пошевелюсь, наши губы встретятся.

Его рука ложится поверх моей, пальцы сжимают запястье. Я чувствует жар его ладони, он проходит сквозь кожу, разбегается по венам, и кровь стучит в висках так сильно, что мир начинает плыть.

— Руслан Андреевич, — выдыхаю я, пытаюсь отступить, но мне некуда: за мной стена.

— Лидия... — начинает он, и в его голосе появляются интимные ноты.

## Глава 12

Входная дверь с грохотом распаивается.

— Ребята, вы здесь? Лидка, я принёс забытый лазерный уровень! Простите, что я долго, — голос Матвея гремит под сводами, как раскат грома. — Чёрт, забыл его дома, пришлось возвращаться.

Руслан резко отпускает мою руку и делает шаг назад. Плечи напряжены, челюсть сжата. Не нравится ему, что нас застали.

Матвей влетает в комнату, гремя инструментами, и замирает на пороге. Переводит взгляд с меня на Руслана и обратно.

— Я не вовремя? — спрашивает он раздражённо.

— Нет, — говорю я, поправляя воротник. Стараюсь, чтобы голос звучал непринуждённо.

— Мы как раз закончили осматривать крепления.

Руслан молчит. Прячет руки в карманы и смотрит в окно на серый, мокрый Ростов за стеклом. Но желваки всё ещё напряжены. Я замечаю это и думаю: ему не нравится, что Матвей приехал. Ну и пусть.

— Нужно сверить замеры, — беру себя в руки. — Я займусь этим завтра утром.

Матвей кивает, но не двигается. Стоит на пороге, загораживая выход.

— Тогда поехали. Кстати, ты, Руслан Андреевич, ещё не подписал акт приёмки, — говорит Мотя.

Во взгляде Руслана читается напряжение и какая-то обречённость. Он понимает, что сейчас не его выход.

— Езжайте, я ещё здесь осмотрюсь. До завтра.

Киваю и выхожу, не оглядываясь. Чувствую его взгляд спиной. Наверное, стоит у окна и смотрит, как я иду к машине.

На улице апрельский вечер, прохладно, но без дождя. Воздух пахнет пылью и первой зеленью, на деревьях уже набухают почки. Я делаю глубокий вдох. Хорошо. Свежо. Это лучше, чем стоять рядом с ним и дышать его одеколоном.

Иду спокойно, сжимая планшет. Я держу себя в руках.

— Лидка, — тихо говорит Матвей, догоняя. — Что там было?

— Ничего. Работали.

— Не похоже.

Он останавливает меня, касаясь плеча. Разворачивает к себе.

— Ты белая, как стена. Он что-то сделал?

— Нет, — смотрю в его глаза и понимаю: не верит. — Он подошёл слишком близко. Я попросила отойти. Всё.

— И он отошёл?

— Да.

Матвей хмурится. Я знаю, что он хочет спросить ещё о чём-то, но сдерживается.

— Хочешь, я скажу ему, чтобы он перестал?

— Нет, — мягко освобождаю плечо. — Я сама.

— Лида, ты же в курсе, что он женат, — напоминает он.

— Знаю.

— И тебя это не...

Он замолкает, не договорив.

— Есть вещи, которые ты не знаешь, Матвей, — открываю дверь машины. — И если ты их узнаешь, то, возможно, перестанешь так хорошо ко мне относиться. А мне бы не хотелось тебя терять.

Он замирает. Смотрит на меня, не понимая.

— Что ты имеешь в виду?

— Не сейчас, — я сажусь в машину. — Потом как-нибудь. Извини.

Завожу двигатель и уезжаю, не оглядываясь. В зеркале заднего вида Матвей стоит посреди пустыря, провожая взглядом.

Дороги совсем не помню. Еду на автомате: поворачиваю, перестраиваюсь, торможу на светофорах, но в голове пустота.

Дома Мира сидит за столом, усеянным фломастерами и листами. Вероника хлопчет на кухне, греет ужин. Пахнет жареной картошкой с луком и грибами так вкусно, что желудок сводит, хотя есть совсем не хочется.

— Мама, смотри! — Мира подбегает с листком. — Я нарисовала тебя и папу. Только как папа выглядит, я не знаю, поэтому нарисовала так.

Беру рисунок.

На листе изображена женщина с волосами по плечи и в платье. Наверное, я. Рядом — мужчина. Туловище, руки, ноги. Даже обувь с блёстками. Но нет лица.

Пустота там, где должны быть глаза. Пустота там, где должны быть нос, губы, улыбка.

— Мам, а у меня правда есть папа?

— Правда, — прижимаю её к себе. — У тебя есть папа.

— А почему он с нами не живёт?

— Так сложилось.

— А он скоро приедет к нам в гости?

— Я не знаю, солнышко. Может быть.

Мира вздыхает по-взрослому, разочарованно и отворачивается обратно к рисункам.

— Ну что там с ужином? — спрашиваю я, проходя на кухню.

Вероника снимает сковороду с плиты, выключает газ и вытирает руки о полотенце с красным петухом. Достает из шкафа тарелки, ставит их на стол, звонко стуча керамикой о деревянную столешницу.

— Ужин готов. Кушайте, а мне пора домой. Завтра рано вставать.

— Останься, поешь с нами, — говорю я, хотя знаю, что она не останется.

— В следующий раз. — Она уже снимает фартук, вешает его на спинку стула. — Проводишь?

— Конечно.

Я открываю входную дверь. Выхожу с ней на лестничную клетку. Лампочка на площадке моргает, даёт тусклый жёлтый свет.

— Пока, дорогулечка, — Вероника касается моего плеча. — Позвони, если что.

— Хорошо.

Возвращаюсь в квартиру. Мира что-то напевает себе под нос, рисуя за столом. Я подхожу к окну, смотрю на пустую улицу. Как качается ветка с набухшими почками, которые вот-вот лопнут.

Апрель. Время, когда всё оживает. Даже то, что давно умерло.

И в этой тишине — звонок.

Телефон мигает на столе. На экране высвечивается: Руслан Андреевич.

Сердце ёкает, но я беру трубку до того, как успеваю испугаться.

— Лидия, — голос Руслана глухой, напряжённый. — Нам нужно поговорить.

— О проекте? — спрашиваю.

— Нет. Не о проекте. — Он замолкает на секунду. — Я знаю, кто ты, Лиля. Ты — моя бывшая жена.

## Глава 13

С телефоном в руке я застыла у окна. За стеклом — апрельский вечер, город медленно тонет в синих сумерках. Где-то внизу проезжают машины, шурша шинами по мокрому асфальту, и этот звук кажется мне единственно реальным.

— Ты здесь? — голос Руслана вырывает меня из состояния оцепенения.

— Здесь. Поздравляю с открытием, — отвечаю я, и в голосе моём появляется холодная насмешка. — А теперь скажи мне: как ты меня вычислил? По глазам? По словам? По голосу? Или подсказал кто?

— Неважно, — отвечает он. — Главное, что я знаю. Но ты стала... другой.

— Другой? — я усмехается, чувствуя, как внутри закипает злость.

— Очень похорошела, — добавляет он. — И характер... тоже стал другим.

— Характер, — повторяю я. — Ты прав, он стал другим. Потому что той Лили, которую ты помнишь, больше нет. Ты её убил.

— Лиля...

Я смотрю на Мирин рисунок, который лежит на столе. Мужчина без лица. Пустота там, где должны быть глаза, нос, губы, улыбка. Белая овальная пустыня.

— Значит, не сам догадался, — я чувствую, как внутри поднимается злость. — Ты смотрел на меня, стоял рядом и ничего не почувствовал. Даже запах мой не узнал. Даже голос. Значит, совсем не вспоминал меня эти годы.

— Ты изменила мне, — говорит он наконец, и голос его становится жёстким.

— Я никогда тебе не изменяла, — отвечаю я спокойно.

— Ты могла бы попытаться объясниться, — говорит он тише. Уже не возмущается, почти просит.

— Я пыталась, — я сжимаю телефон. — Ты вытолкал меня на лестничную клетку. Мои вещи летели следом.

— Ты сама виновата. Не надо было ложиться в постель с другим.

— Боже, ты непробиваемый идиот! — я почти кричу и слышу, как Мира затихает у себя в комнате, но я беру себя в руки, чтобы не напугать её, и говорю тише, — Ты не слушал меня тогда, не слушаешь и сейчас. Что ты здесь забыл, Руслан? Зачем ты приехал?

Волков молчит. Я слышу его тяжёлое, прерывистое дыхание.

— Завтра в одиннадцать, — говорю я, стараясь успокоиться. — Подпишешь акт. Всё остальное не обсуждается. Моя жизнь тебя не касается. Как и меня — твоя с Яной. Дальше я буду вести проект сама. Можешь валить в свою Москву. Все дела будем решать онлайн.

— Это мой проект, — голос его становится твёрдым. — Я буду его контролировать. И я никуда не уеду, Лида.

— Лидия Петровна, — поправляю я. — Для вас.

Скидываю звонок. Не дожидаясь ответа.

Стою посреди кухни.

Он даже не спросил про Миру, — думаю я. — Неужели не догадался?

Впрочем, какая разница. Его в нашей жизни никогда не существовало, пусть всё так и остаётся.

На столе валяется чёрный фломастер. Мира забыла его убрать в коробку. Я беру его в руки. Колпачок снимается с тихим щелчком. В нос ударяет резкий запах спирта.

Я смотрю на мужчину без лица и начинаю яростно заштриховывать. Сильно нажимаю, чтобы чёрный был плотным, густым, непроницаемым. Сначала глаза, где они должны быть. Потом нос. Потом рот. Улыбку, которой я никогда не увижу на лице этого человека.

Чёрный расплзается по бумаге, впитывается в волокна, оставляет жирные следы на пальцах. Я закрашиваю всё. Каждый миллиметр белого поля. Теперь на месте лица — чёрное пятно.

Кладу фломастер на стол. Колпачок закручиваю, слышу, как он щёлкает, вставая на место.

Пытаюсь оттереть пальцы, но чёрные разводы не смываются. Как будто он оставил на мне след. Навсегда.

Смотрю на творение своих рук и ничего не чувствую. Ни облегчения. Ни радости. Просто пустоту. И холод где-то в груди.

Мира заглядывает в дверь, трёт кулачками глаза. Волосы растрепались, на щеке — синяя полоска от фломастера, которую она не заметила.

— Мам, кто звонил?

— Да так, — отвечаю я, и голос мой звучит легкомысленно, почти весело. — Один знакомый. Вспомнил о моём существовании.

— А почему ты такая злая?

— Я не злая, солнышко. Я просто устала.

— А почему ты нарисовала папе чёрное лицо?

Я смотрит на неё. На её серые глаза — его глаза.

— Потому что забыла, как он выглядит, — говорю я. — Хотела вспомнить, но не получилось. Нарисуем новый рисунок, хорошо? Когда-нибудь.

Мира пожимает плечами и садится за стол, стучит ложкой по тарелке, начинает напевать свою любимую мелодию.

Я разрываю рисунок на мелкие кусочки, иду в ванную и смываю их в унитаз. Вода кружит обрывки, утягивает в трубу. Пусть исчезнет. Пусть его не будет. Пусть.

Завтра он придёт в мой офис. Посмотрю, хватит ли у него совести посмотреть мне в глаза после всего.

## Глава 14

Я возвращаюсь в свой номер в «Москве». Хорошая гостиница, номера чистые, приличные и пахнут нейтрально, а не какой-то химической дрянью. Скидываю ботинки у порога, прохожу к креслу, падаю в него, даже не снимая пальто. Пиджак пришлось снять ещё в машине — на нём остался запах её духов. Или мне кажется? Я бросаю его на спинку стула, подальше.

Закрываю глаза и вижу её. Лидию. Ветрову.

Что со мной происходит? Почему я не мог отвести от неё взгляд сегодня? Она просто архитектор, просто женщина, которую нанял Матвей. В ней нет ничего особенного. Или есть?

Вот эта её манера водить карандашом по чертежу. Плавно, будто гладит что-то живое. Вот этот взгляд исподлобья, когда она поправляла воротник. И голос... её голос завораживает. Я тонул в нём и забывал, что хотел сказать. Интересно, есть у неё кто-то? Муж? Нет, кольца она не носит. Любовник?

Я мотаю головой, прогоняя мысли.

И тут же одёргиваю себя. Я женат. Да, Яна меня бесит, да, я не люблю её, да, брак — ошибка. Но я женат. И не имею права засматриваться на других женщин. Это моё бремя, которое я сам на себя взвалил. И его надо нести.

Телефон разрывается в тишине номера. Леночка. Секретарша. Уже поздно, но она знает, что я не люблю, когда беспокоят без дела. Значит, есть что-то важное.

— Руслан Андреевич, — голос у Леночки взволнованный. — Я по поводу архитектора Ветровой. Вы просили найти информацию.

— Говори.

— Она раньше жила в Москве, потом переехала в Ростов. И она меняла и имя, и фамилию, — Леночка перебирает бумаги, я слышу, как они шуршат. — Сейчас она Ветрова Лидия Петровна. А раньше была Волкова Лилия Петровна.

Волкова.

Моё сердце пропускает удар. Волкова — это моя фамилия. Бывшая. Лиля Волкова. Моя жена.

— И у неё есть дочь, — продолжает Леночка. — Четырёх лет. В графе «отец» — прочерк.

Я замираю. Потом резко встаю с кресла, оно отъезжает назад, упирается в стену. Подхожу к окну, опираюсь свободной рукой о подоконник. Хочется ударить кулаком по стеклу. Сдерживаюсь.

— Руслан Андреевич?

— Всё, — выдавливаю я. — Хорошо.

Кладу трубку.

Волкова. Значит, это она. Лиля.

Внизу — вечерний Ростов. Апрель, тепло, на деревьях уже зелень, в воздухе пахнет весной и сладостью. Город живёт своей жизнью, а я стою и смотрю на него, и не знаю, что делать.

Она меняла и имя, и фамилию. Хотела, чтобы я её никогда не нашёл. Думала, спрячется навсегда. Наивная.

И дочь. Отец — прочерк.

Мысль о том, что ребёнок может быть моим, приходит сама собой. Четыре года — чуть больше прошло после развода. Время подходит. Если она была беременна тогда... если я вышвырнул её, не зная...

Отгоняю эти мысли. Потом. Не сейчас. Слишком больно. Слишком страшно. Не хочу загадывать. Не хочу надеяться. Пока не узнаю точно, не буду думать об этом.

Я хватаю телефон, нахожу её номер. Лидия Петровна Ветрова. Набираю.

Долгие гудки. Потом — её голос.

— Я всё знаю, — говорю я. — Ты — моя бывшая жена. Лиля.

Она молчит. Я слышу её дыхание.

— Думала, спрячешься? — продолжаю. — Сменила имя, фамилию, уехала в другой город.

— Мне нечего скрывать, — отвечает она. — Я ничего тебе не должна.

Я сжимаю трубку. Она говорит это так, будто я для неё никто.

— Завтра в одиннадцать, — перебивает она. — Подпишешь акт. И больше мы не увидимся.

Трубку кладёт.

Я смотрю на телефон. Экран гаснет.

Она не отрицала. Не сказала, что я ошибаюсь. Значит, это она. Лиля.

Значит, я чуть не влюбился в неё. В ту, которая меня предала.

Какой же я дурак.

Телефон снова звонит. Я смотрю на экран — Яна.

— Ты где? — её голос капризный, недовольный. — Я тебе звоню уже полчаса.

— В номер недавно пришёл. Был трудный день.

— У тебя всегда так. Ты вообще отдыхать не умеешь. Какой ты скучный, — она вздыхает.

— Когда ты вернёшься?

— Не знаю. Когда дела закончу.

— Мне нужны деньги, у меня завтра косметолог.

— Завтра переведу, — отвечаю я, чувствуя, как усталость наваливается с новой силой.

— И не забудь, через две недели у нас ужин с моими родителями.

— Помню.

— Ты всегда так говоришь, а потом забываешь, — она обиженно замолкает. — Ладно.

Спокойной ночи.

— Спокойной.

Кладу трубку, не глядя на экран.

Яна просит деньги на косметолога. Лидия сама хорошо зарабатывает. Яна жалуется на скуку. Лидия одна растит ребёнка. Разные. Совсем разные.

Яна ничего не знает. И не узнает. Пока не время.

Я ложусь на кровать, не раздеваясь. Закрываю глаза.

Передо мной — наше прошлое. Лиля в длинном платье на свадьбе. Лиля, которая смеётся над моими шутками. Лиля, которая смотрит на меня влюблёнными глазами. А потом — лестничная клетка. Её слёзы. Моя злость. Дверь, которую я закрыл.

Я не смотрел на её живот. Я вообще на неё не смотрел. Злость застелила мне глаза.

А вдруг она была беременна? Моим ребёнком?

У меня сейчас в груди ноет так, будто я тогда себя вышвырнул, а не её.

Завтра я увижу её. Посмотрю в глаза. И, может быть, хоть что-то пойму.

## Глава 15

Я приезжаю в офис за час до встречи, хотя сама не знаю зачем. Просто не могу сидеть дома.

В кабинете тихо, и эта тишина давит. Слышно, как я дышу. Слишком часто, слишком шумно. Надо успокоиться, но я не знаю как.

Раскладываю чертежи на столе, проверяю акты. Их всего два, но я перечитываю их уже в пятый раз, вчитываюсь в каждую букву. Наливаю кофе, но даже не притрагиваюсь. Он остывает. Я выливаю его в раковину. К десяти тридцати я уже трижды переложила бумаги, дважды протёрла пыль с подоконника и один раз поймала себя на том, что смотрю на дверь и считаю минуты до одиннадцати.

В дверь стучат ровно в одиннадцать.

Не входят — стучат.

Вежливо, выдержанно. Я спокойна. Как удав.

Конечно, нет.

— Войдите, — говорю я.

Дверь открывается.

Входит Руслан.

Он останавливается в дверях, и его взгляд врезается в меня. Я чувствую его кожей, каждой клеткой, каждым нервом.

Кто кого переглядит? — мелькает в голове. — Ну давай, поиграем.

Я откидываюсь на спинку стула, даю ему время. Пусть просканирует меня с головы до ног.

— Проходите, — говорю я первой. — Присаживайтесь.

Он проходит, садится напротив и не отрывает от меня взгляда. Ни на секунду.

— Вы должны подписать акт, — я подвигаю к нему бумаги. — Вот. Проверьте.

Руслан даже не скользит взглядом по строчкам. Его внимание направлено на меня, и только на меня.

— Лиля, — тихо говорит он.

— Лидия Петровна, — поправляю я.

Он сжимает челюсть. Я вижу, как напряглись его плечи.

Что, непривычно? — думаю я. — А я привыкла быть Лидией. Намного легче, чем быть Лилей.

— Зачем ты скрывала? — спрашивает он. — Зачем сменила имя, уехала?

— Вы о чём? — я наклоняет голову.

— Не надо, — голос становится жёстче. — Уже глупо притворяться, Лиля.

— Уже не Лиля, — говорю я. — И это главное.

Руслан молчит. Тишина затягивается.

— Ты изменилась, — говорит наконец. — Раньше ты была... другой. Мягче, что ли.

— Раньше я была глупой, — отвечаю я. — Доверчивой. Удобной. Теперь — нет.

— И внешне, — добавляет он, и я не понимаю, комплимент это или нет. — Ты стала... красивее.

— Спасибо, — не улыбаюсь. — Пять лет одиночества и спортзал творят чудеса.

— И характер...

— А характер, — перебиваю я, — остался таким, каким был всегда. Только раньше мне не разрешали его показывать.

Он закашлял, но ничего не сказал.

— Вопросы ещё будут? — спрашиваю я. — Или перейдём к акту?

Волков смотрит на меня, и я вижу в его глазах то, чего ещё никогда не видел. Боль. Настоящую, живую боль, которую он пытается спрятать за этой маской крутого бизнесмена.

— У тебя есть дочь, — говорит он, с трудом выдавливая из себя слова. — Это моя дочь? По коже бежит холодок.

— Нет, — говорю я. — Не твоя.

Он замирает. Моргает.

— Что?

— Дочь не твоя, — повторяю я. — Я родила её от другого человека.

— Ты врёшь.

— С чего ты взял? — я даже не пытаюсь скрыть усмешку.

Руслан молчит. Смотрит на меня так, будто пытается заглянуть мне под кожу.

— Я не верю, — говорит он наконец.

— Это твоё право, — пожимаю я плечами.

Я собираю волю. Ни шагу назад. Если он узнает про Миру, он влезет в нашу размеренную, устоявшуюся жизнь. И избавиться от него будет уже крайне сложно.

— А где он? — спрашивает Руслан. — Отец ребёнка?

— А тебе какое дело? — смотрю на него холодно. — Мы расстались. Я одна растила дочь. Всё.

— Он знает, что у него есть дочь?

— Нет. И не узнает, — отвечаю я. — Это моё решение. И оно тебя не касается.

Он молчит. Дышит так, будто только что пробежал стометровку. Злится.

Хорошо.

Пусть.

В дверь стучат. Матвей заглядывает в кабинет.

— Лид, я тут папку... — он замолкает, увидев Руслана. Переводит взгляд с него на меня. — Я не вовремя?

— Нет, — отвечаю я, чувствуя, как внутри отпускает. — Мы как раз заканчиваем.

Матвей кивает, забирает папку со стола. Но в дверях останавливается, смотрит на Руслана.

— Руслан Андреевич, вы не хотите выйти? Надо по проекту ещё кое-что обсудить.

Руслан медленно поднимается. Смотрит на меня.

— Я вернусь, — говорит он.

— Можешь не возвращаться, — отвечаю я. — Акт подписан. Пока нам больше нечего обсуждать.

Он выходит. Матвей закрывает за собой дверь.

Я слышу, как они идут по коридору. Шаги удаляются.

Сижу и смотрю на дверь, за которой он только что скрылся.

Всё, — говорю я себе. — Ты сказала, всё правильно. Он ушёл.

Но он не ушёл. Он сказал «вернусь», и я знаю, что он вернётся и продолжит этот разговор, потому что он не поверил ни одному моему слову про Миру. Это было написано у него на лице, когда он сверлил меня взглядом.

Доказательств у него нет. Только если он решится на тест. Но я надеюсь, что до этого не дойдёт.

Мира — моя. Я выносила её, родила, поднимала одна. И я не позволю ему войти в её жизнь только потому, что ему вдруг стало интересно.

Никогда.

На столе осталась его дорогая ручка с монограммой. Беру её в руки. Зачем он её оставил? Просто забыл? Или продумал повод вернуться?

Я кладу ручку в ящик стола.

Пусть приходит. Я готова.

## Глава 16

Остаток рабочего дня прошёл как в тумане. Ко мне в кабинет больше никто не заходил, и я смогла наконец выдохнуть, погрузившись в чертежи. Когда подняла голову, за окном уже вечерело. Встаю, подхожу к окну, открываю его настежь. Делаю глубокий вдох. Внизу — вечерний Ростов. Апрель, тепло, в воздухе пахнет весной. Как будто ничего не случилось. Как будто ещё утром я не смотрела в глаза человеку, который разбил мою жизнь, и не врала ему про дочь.

Врала. Хорошо врала, уверенно, глядя прямо в глаза. Столько лет строила новую жизнь — и вот, прошлое меня всё же догнало. Прогресс, ничего не скажешь.

А что, если он проверит? Про меня же он узнал. У него есть деньги, связи, возможности. Захочет — найдёт способ. И тогда... Тогда что? Он придёт? Скажет: «Я знаю. Мира — моя дочь»?

Нет. Не дождётся.

У меня внутри всё обрывается от этой мысли. Я сжимаю кулаки, заставляю себя не думать. Всё. Пора домой.

Собираю вещи, гашу свет в кабинете и выхожу в коридор. Тишина. В бюро уже никого.

Я сажусь в машину и еду, не помня дороги. В голове его голос, когда он спросил про дочь. Сердце сжимается, но я запрещаю себе это чувство. Ты всё сделала правильно. Он не должен знать. Не имеет права.

Дома меня встречает Вероника. Она сидит на кухне, пьёт чай, и, увидев меня, откладывает книгу.

— Ну? — спрашивает, и я понимаю, что она имеет в виду не чертежи. — Как всё прошло?

— Акт подписан, — отвечаю я, скидывая туфли. — Руслан ушёл.

— Ты бледная, — она не спрашивает, она утверждает. — Лида, я тебя сто лет знаю. Не надо мне врать.

Я прохожу на кухню и сажусь напротив.

— Он спросил про Миру, — говорю я. — Спросил, его ли дочь.

Вероника молчит, крутит кружку в руках.

— А ты что сказала?

— Что нет. Что родила от другого человека.

— И он поверил?

— Не похоже.

— А если он проверит, Лида? Если сделает тест? У него же деньги есть.

— Не проверит, — отвечаю я твёрже, чем чувствую. — Не посмеет.

Она смотрит на меня, потом обнимает.

— Ладно, — говорит она. — Не буду тебя пытаться. Мира спит. Завтра позвоню.

— Спасибо.

Вероника уже у двери, натягивает куртку.

— Ты только... — оборачивается. — Не наделай глупостей.

— Хорошо.

Она уходит. Дверь закрывается.

Я стою посреди коридора и думаю: глупости я уже наделала. Когда согласилась выйти замуж за Волкова Руслана.

Я возвращаюсь на кухню. Достая из шкафа бутылку вина. Откупориваю пробку и пью из горла. Красная жидкость обжигает горло, растекается по пищеводу тёплой волной. Так нельзя, говорю я себе. Нельзя.

В дверь звонят. Смотрю на часы — половина двенадцатого. Кого принесло так поздно?

Иду открывать — на пороге Матвей. Вид у него какой-то потерянный.

— Лид, можно войти?

— Заходи.

Он проходит на кухню, садится и молчит. Я не тороплю, жду.

— Ты знала, кто он? — спрашивает наконец. — Когда я привёл его в бюро, ты знала?

— Знала, — отвечаю я. — С первого дня.

Он вскидывает голову, и в его глазах что-то похожее на обиду.

— И ты молчала? Всё это время?

— А что я должна была сказать? — перебиваю я спокойно. — «Матвей, твой друг — мой бывший муж, который вышвырнул меня беременную на улицу»?

Он замирает. Смотрит на меня так, будто я ударила его.

— Беременную? — его голос становится тихим, почти шёпотом. — Лид, ты... он знает?

— Нет. И не узнает.

— Как ты можешь быть так спокойна? — Он встаёт, делает шаг ко мне. — Это же... это же чудовишно. Он вышвырнул тебя. А ты... ты работаешь с ним.

— А что мне оставалось? — я смотрю на него в упор. — У меня не было выбора. Ты не переживай, я справлюсь. Мы закончим этот проект.

Он хватается за голову, проводит руками по лицу.

— Господи, Лида... Я сам привёл его к тебе.

— Ты не виноват, — говорю я твёрдо. — Ты не знал.

Матвей садится обратно, сжимает пальцы в замок.

— Он тебя не достоин, — говорит он глухо. — Ты заслуживаешь лучшего.

— Может быть, — я пожимаю плечами.

Он поднимает на меня глаза, и в них такая открытая боль, что у меня на секунду сбивается дыхание.

— А если я скажу, что ты дорога мне? Что ты мне очень нравишься? Что хочу быть вместе с тобой?

Молчу. Смотрю на него и понимаю, что я не могу ответить тем же.

— Ты хороший, Матвей, — говорю я наконец. — Слишком хороший для такой, как я.

— Какой?

— Сломленной, — говорю я. — После случившегося я, наверное, никогда не смогу поверить мужчине.

Он закрывает глаза на секунду, потом открывает.

— Тогда я хотя бы просто буду рядом, — говорит он. — Другом. Если позволишь.

— Позволю, — я почти улыбаюсь. — Иди домой. Уже поздно.

Матвей кивает и уходит.

Возвращаюсь на кухню, смотрю на бутылку, но пить уже не хочется. В голове шумит то ли от вина, то ли от всего, что случилось. Не могу понять. Горло начинает саднить. Я проглатываю — больно. Кажется, я заболеваю.

Но это неважно. Завтра новый день. Завтра я встану и поедет на объект.

Я не позволю ему разрушить то, что я строила.

Встаю, иду в спальню и падаю на кровать, даже не раздеваясь.

— Отстань, — шепчу я в пустоту. — Отстань уже.

Я проваливаюсь в темноту.

## Глава 17

Утром я просыпаюсь от того, что не могу дышать. Не в переносном смысле — буквально. Нос заложен, горло дерёт, голова раскалывается так, будто кто-то внутри стучит молотком по черепу. Я лежу на кровати в том же положении, что и вчера.

Смотрю на часы. Половина седьмого. Надо вставать. Надо ехать на объект.

Пытаюсь сесть — и мир перед глазами плывёт, стены качаются, пол уходит из-под ног.

— Твою мать, — шепчу я.

Ничего. Я справлюсь. Никакой вирус меня не победит.

На кухне завариваю крепкий чай, добавляю лимон, мёд, что там ещё советуют при простуде? Имбирь? У меня нет имбиря. Мира ещё спит, сегодня суббота — в сад не надо. Вероника придёт только в восемь, посидит с дочкой, а я должна успеть на объект.

Пью чай, обжигаюсь, не чувствую вкуса. Глотаю через боль. Горло режет, как ножом.

«Будешь ныть — ляжешь. Ляжешь — сорвёшь проект. Сорвёшь проект — потеряешь деньги. Всё просто», — прокручиваю в голове, как мантру.

Одеваюсь на автомате: джинсы, свитер, волосы в хвост. В зеркале — бледная рожа, под глазами круги, губы треснутые. Хороша, ничего не скажешь. Но мне и не на подиум выходить.

— Ничего, — говорю своему отражению. — Главное пережить этот день, а завтра воскресенье — отдохну.

Выхожу из дома. Апрельское утро встречает лёгким ветерком и запахом мокрой земли. В голове шумит, но я сажусь в машину, завожу двигатель и еду.

На объекте я держусь из последних сил.

Чертежи плывут перед глазами, но я делаю вид, что всё в порядке. Матвей приезжает через полчаса после меня, и я слышу, как он что-то говорит про усиление фундамента, про балки, про какие-то новые нормы. Я киваю, но не понимаю половины слов.

— Лид, ты меня слышишь? — он смотрит на меня странно.

— Да, конечно, — говорю я. И тут же понимаю, что не помню, о чём он только что спрашивал.

— Ты белая, как стена, — он подходит ближе, трогает мой лоб тыльной стороной ладони. — У тебя температура.

— Нет, — отмахиваюсь я. — Просто не выспалась.

— Лидка...

— Я сказала — всё нормально, — перебиваю я. — Давай работать.

Он не спорит, но я чувствую на себе его взгляд. Беспокойный, изучающий. Не нравится ему моё состояние. Мне — тоже. Но я не могу признать слабость. Я разучилась это делать.

Показываю чертежи, объясняю узлы, спорю о гидроизоляции. Голос хриплый, горло дерёт, но я говорю, говорю, говорю. Лишь бы не замолчать, лишь бы не дать себе паузу, в которой развалюсь на куски.

Я замечаю, что он смотрит на меня. Руслан. Стоит у входа, прислонившись к косяку, и смотрит. Я не знаю, когда он приехал. Не знаю, сколько стоит. Но я делаю вид, что не замечаю.

Он не подходит. Не говорит ни слова. Просто смотрит.

И это бесит меня больше, чем если бы он подошёл и начал задавать вопросы.

К обеду я чувствую, что силы кончились. Пол под ногами качается, как палуба корабля в шторм. В глазах темнеет. Я хватаюсь за стену, чтобы не упасть.

— Лида, — Матвей подхватывает меня за локоть. — Хватит. Езжай домой.

— Всё нормально...

— Ты падаешь. — Он не спрашивает, он утверждает. — Я отвезу тебя.

— У меня машина.

— Я вызову такси. Не спорь.

Я не спорю. Потому что нет сил. Руслана уже нет — он ушёл так же тихо, как и пришёл. Или мне показалось? Я уже не понимаю, где реальность, а где бред.

Дома меня встречает Вероника. Мира рисует за столом, подруга хлопочет на кухне.

— Ты меня пугаешь, — говорит она, увидев моё лицо. — Лида, ты зелёная.

— Спасибо за комплимент, — пытаюсь улыбнуться.

— Иди в постель. Я вызову врача.

— Не надо врача, — отмахиваюсь я. — Отлежусь, и всё пройдёт.

— Ты так говорила, когда рожала, — напоминает Вероника. — А потом мы еле довезли тебя до родзала.

— Это было другое.

— Это всё ты. Вечно геройствуешь, а потом страдаешь.

Я не спорю. Иду в спальню, падаю на кровать. Вероника заходит следом с градусником и таблетками.

— Тридцать девять и пять, — говорит она, глядя на показания. — Лида, это серьёзно.

— Выпью жаропонижающее, завтра будет легче.

— Ты хоть понимаешь, что с такой температурой в больницу едут?

— Я не поеду.

— Упрямая дура, — вздыхает Вероника. — Ладно. Сейчас я тебя раздену, уложу, дам лекарство. А завтра посмотрим.

Она помогает мне снять свитер, джинсы, укрывает одеялом. Я благодарна ей за эту заботу. Но в слух не произношу. Сил нет.

— Я отдохну, — шепчу я. — Завтра всё пройдёт.

— А с Мирой что делать?

— Посиди с ней. Я просто посплю.

Вероника смотрит на меня, качает головой, но выходит, прикрывая дверь.

К вечеру мне становится хуже.

Я проваливаюсь в бред, в какую-то липкую, тягучую темноту, где реальность смешивается со снами, а сны — с прошлым. Мне жарко, холодно, жарко снова.

Я открываю глаза.

Надо мной склоняется Вероника. У неё испуганное лицо, она вытирает мне лоб мокрым полотенцем.

— Лида, ты меня слышишь?

— Да, — шепчу я. Голос почти пропал.

— Температура под сорок, — говорит она. — Я вызову врача на завтра.

В дверь звонят.

Вероника идёт открывать. Сквозь дрёму я слышу голоса.

— Добрый вечер, — голос низкий, хриплый. Я узнаю его даже сквозь сон.

— Вы кто? — спрашивает Вероника удивлённо. Я почти вижу, как она вскидывает бровь.

— Руслан Волков. Я хотел бы увидеть Лидию.

Тишина. Я замираю.

— Она больна, — говорит Вероника. — И не принимает гостей.

— Я знаю. Я видел её сегодня на объекте. Я хочу убедиться, что она в порядке.

Я слышу топот маленьких ног.

— Здравсьте! — голос Миры звенит, как колокольчик. — Тётя Вика, а кто этот дядя?

Я задерживаю дыхание.

Тишина.

Вероника не отвечает.

Я лежу в темноте и чувствую, как кровь приливает к вискам — тук, тук, тук. Он за дверью. Она за дверью. А я не могу встать.

## Глава 18 от лица Руслана

Я замечаю её ещё на входе. Лидия стоит у стены с планшетом в руках, бледная. Губы белые, под глазами синева, и она дрожит. Даже отсюда видно, как дрожит.

Матвей что-то говорит, тычет пальцем в чертёж. Она кивает, но я вижу, она не слушает. Взгляд пустой, руки трясутся.

Я прислоняюсь к косяку и смотрю.

Она не замечает меня. Или делает вид. Скорее второе. Она прекрасно научилась делать вид, что меня не существует. А потом я замечаю, как она хватается за стену, как Матвей подхватывает её под локоть.

— Хватит, — слышу я его голос. — Езжай домой.

Она не спорит. И это самое страшное. Значит, ей действительно плохо. Раньше, когда мы были вместе, она тоже молчала, терпела, не жаловалась. А потом падала с температурой под сорок, и я находил её

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.